АРХИВ
28 ФЕВ 1934
Г. Ц. К. П.

ЦЕНА № 20 КОП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РОФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО, И. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. УСИЕВИЧА.

№ 10 (325) | 30 ЯНВАРЯ 1934 года | ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

XVII

★ В утреннем заседании 27 января с'езд заслушал отчет-доклад Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), который сделал тов. ВЛАДИМИРСКИЙ.

★ В открывшихся затем прениях по отчету ЦК ВКП(б) выступили: т. АМОСОВ (Сев. ж. д.), секретарь Зап.-Сиб. крайкома т. ЭЙХЕ, т. ПОЗЕРН (Ленинград), т. БЫКИН (Башкирия), т. СЕРЕБРОВСКИЙ (зам. наркомтяжпрома), т. ВОДОВОЗЕНКО (Днепропетровщина), т. КОЛОТИЛИН (Шахинский р-н), т. МАКАРОВ и др.

★ В вечернем заседании 27 января продолжались прения по отчету ЦК ВКП(б). В них выступили: ЗИМИН (НКПС), встреченный бурными аплодисментами т. ПОСТЫШЕВ, секретарь ЦК КП(б)Б т. ГИКАЛО, Н. К. КРУПСКАЯ, т. ХАТАЕВИЧ (УССР), т. БАДАЕВ и т. ИКРАМОВ (Узбекистан).

XVII

★ Прениям по отчету ЦК ВКП(б) было посвященно утреннее заседание 28 января.

★ В вечернем заседании 28 января выступили встреченные аплодисментами т. БУБНОВ и т. ЕНУКИДЗЕ. Об ошибках правой оппозиции и своих говорил т. БУХАРИН, об ошибках право- «левацкого» блока говорил т. ЛОМИНАДЗЕ. Громкими аплодисментами встретил с'езд т. КОСАРЕВА. О блестящих победах большевиков Закавказья говорил т. БЕРИЯ.

★ На утреннем заседании 29 января продолжались прения по докладу ЦК ВКП(б). Выступили тт.: КРИНИЦКИЙ (НКЗ СССР), Г. ПЕТРОВСКИЙ (УССР), РУМЯНЦЕВ (Зап. область), ХРУЩЕВ (Москва), ШЕБОЛДАЕВ (Азово-Черноморский край), ЖДАНОВ (Горьковский край), ЯКОВЛЕВ (Наркомзем СССР).

ДЕЛЕГАТЫ XVII С'ЕЗДА ПАРТИИ о советской культуре и литературе

А. И. СЕННОВ. Нач. политотдела Ипполитовской МТС ДВК

ОГРОМЕН ИНТЕРЕС КОЛХОЗНИКОВ К КНИГЕ

Ипполитовская машинно-тракторная станция — самая большая МТС в Дальневосточном крае. Она обслуживает 11 колхозов. Мы работаем в сложных условиях нашего края. В работе наших колхозов большое место занимает борьба за лес. Остро стоит вопрос трудовой дисциплины. Но мы успешно преодолеваем трудности и широко развертываем колхозное строительство.

Художественная литература занимает почетное место в нашей МТС и колхозах. Мы следим за всеми выходящими новинками советской литературы. Мы знаем последние произведения **Шолохова** — «Поднятая целина», **Панферова** «Твердой поступью», **Новикова-Прибой**— «Цусиму», **Л. Никулина** — «Время, пространство, движение», **Дорохова** — «Крепость» и многие другие. Все эти книги мы получаем через наш книжный киоск при МТС.

Интерес наших колхозников к литературе огромен. Совершенно исключителен спрос на детскую литературу. К сожалению, получаемые нами книги дороги. Совершенно отсутствует детская литература. Мы получили только одну книжку Ильина «Великий план».

Первое наше требование к издательствам — ГИХЛ, «Советской литературе» и ОГИЗ к Книготорговому об'единению ОГИЗ — **дайте нам дешевую библиотеку произведений советских писателей и классиков.**

Мы слыхали о новых книгах, освещающих работу политотделов МТС, о том, что многие писатели работали в политотделах и написали о них ряд книг. Этой литературой очень интересуются наши колхозники. **К сожалению, эти книги еще не дошли до нас.**

Мы не только коллективно читаем книги, но и даем критическую их оценку.

Недавно мы получили последнюю книгу **Дорохова «Крепость»** — о зерносовхозах. Мы проработали ее, обменялись мнениями. В ответ на письмо Дорохова, в котором он просил нас дать правдивую оценку книги, сообщили ему свое коллективное мнение.

Что положительного в этой книге? Писатель хорошо и правдиво показал фигуру директора зерносовхоза и тип деревенского коммуниста. Что плохо в книге? Писатель сводит борьбу за освоение техники **только** к вопросу борьбы с вредительством. Но основное — писатель не показал вчерашнего середняка — сегодняшнего колхозника, не нарисовал, как он осваивает технику, как машина перевоспитывает человека. По Дорохову получается так, что комбайнеры сразу сели на комбайн и все работают хорошо и гладко. А как они овладели этой техникой? Эта тема не затронута писателем.

Чего мы ждем от писателей? Надо писать произведения об освоении техники не только на заводах и фабриках, но и в МТС, показать роль политотделов в освоении этой техники. Сейчас нас больше всего волнуют вопросы перевоспитания людей, коллективов, работающих в МТС, колхозах и совхозах.

Мы следим за творчеством советских писателей. Приезд т. Фадеева на Дальний Восток и его работа была хорошо известна нашему политотделу.

Советские писатели должны заинтересоваться тематикой Дальневосточного края. Нам необходимо создать свою, советскую, романтику Дальнего Востока, увлекательные страницы об изменении его хозяйственной и культурной географии, о новых людях края.

МАСТЕРА ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ ТРУДА

Вчера вечером в редакцию принесли «Красную книгу» Северного Кавказа. Она доставлена на самолете в Москву в подарок XVII партс'езду.

Сроки, в которые она сделана, таковы: 8 декабря Северокавказский краевой комитет партии постановил «одобрить предложение мастеров Ростсельмаша об организации краевого соревнования рабочих, инженеров и техников на звание мастера высокой культуры труда... Ко дню XVII с'езда партии издать краевую Красную книгу мастеров высокой культуры промышленного труда...» 3 января 1934 года книга была сдана в производство, 15 января подписана к печати и 21 января вышла в свет.

Книгу сделали: коллектив рабкоров, ударников, литкружковцев, писателей и журналистов края, **Азово-Черноморское краевое издательство,** коллектив рабочих типографии имени Коминтерна и рабочие фабрики «Красный переплетчик».

Тема книги—соревнование и высокая культура труда—была одновременно и методом работы над ней. По инициативе литературной группы рабочих читателей Ростсельмаша было организовано соревнование на лучший очерк о мастере высокой культуры труда. **Северокавказский Оргкомитет писателей** включился в это соревнование и выделил писательскую бригаду для участия в литературном оформлении книги. В порядке соревнования Азово-Черноморское краевое издательство взяло на себя дело технического и художественного оформления и выпуска книги, а коллектив рабочих типографии имени Коминтерна обязался показать высокую полиграфическую культуру. Рабочие фабрики «Красный переплетчик» обязались дать высокое мастерство переплетных работ.

Все эти обязательства выполнены. Красная книга Северного Кавказа издана так, что она по праву займет место на витрине лучших книг советских издательств. Несмотря на исключительно короткие сроки производства, книга образцово оформлена и стоит на высоком уровне полиграфической техники. Она—свидетельство того, что у нас, в числе других отраслей промышленности, выросла и крепкая, стоящая на уровне передовой техники, полиграфическая промышленность. Производство книги—от авторской рукописи до тщательного переплета—в нашей стране перестало быть монополией одного-двух столичных центров. У нас выросли и краевая литература, и краевые издательства, и краевая полиграфия.

Однако, самое важное в Красной книге Северного Кавказа — ее идейный смысл и те факты, которые сделали издание такой книги необходимым. А они заключаются в том, что на Северном Кавказе, как и во многих других промышленных районах нашего Союза, выросли десятки и сотни замечательных новых людей, мастеров социалистической культуры труда, воплотивших в себе лозунг т. Сталина о труде как деле чести, деле доблести и геройства. Соревнование на мастера социалистической культуры труда широко развернулось на Северном Кавказе, в него включились тысячи ударников, оно стало мощным стимулом повышения производительности труда, оно высоко подняло знамя освоения и нового, коммунистического отношения к труду на всех предприятиях Северного Кавказа. В Красной книге собраны портреты самых лучших ударников края, завоевавших почетное право быть на страницах краевой Красной книги. Это — люди угля, металла, нефти, это — машиностроители и электрики, это — составители поездов и цементщики, это — швейники, повара, пекаря и кожевники.

Любой из занесенных в Красную книгу достоин того, чтобы о нем написали отдельную книгу. **Гольцев,** первый врубовой машинист Донбасса, изобретения которого дают стране сотни тысяч рублей экономии ежегодно. **Демичев,** бригадир молодежной бригады шахты «Артем», учитель целого поколения шахтеров. **Кожин,** бригадир вагонщиков шахты Евдокимова, комсомолец, подготовивший 200 квалифицированных вагонщиков. **Корольченко,** лучший мастер доменщик Сулинского завода, учитель целого поколения доменщиков. Старик **Никишин,** мастер старых промыслов Грознефти, подготовивший 200 ключников. Главный повар Ростовской фабрики-кухни **Богданов,** делающий замечательное варенье из овощей и добившийся образцового использования новых продуктов: сои, костяного жира и т. д. Это — многие, многие другие.

О каждом из них в книге сообщены основные биографические данные и рассказано, как, какими способами они добились высокого звания мастеров культуры труда, в чем выражается эта их культура. Сделано это в форме литературных очерков, безыскусственных, но вполне грамотных и написанных с большой теплотой.

Конечно, было бы лучше, если бы над текстом книги поработали больше, если бы вместо отдельных биографий книга была бы цельным рассказом о новых социалистических работниках. Но и сейчас она представляет собой безусловно ценный документ.

Новое здание в Кремле, где работает XVII с'езд партии.

КНИГИ НА СТОЛЕ ДЕЛЕГАТА С'ЕЗДА

„СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

В изд-ве «Советская литература» только что вышли из печати к партс'езду книги:

М. Горький—«О литературе», сборник статей и выступлений Горького по вопросам литературы (сборник вышел под редакцией И. Груздева). **В. Маяковский**—поэма «Ленин» в художественном оформлении т. Рерберга. **М. Кольцов**—«Сотворение мира» (второй том собрания его сочинений) **Шейнман**—«Что я видел в Америке, что я сделал в СССР». Это книга, написанная инженером Сталинградского тракторного завода т. Шейнманом, описывающая его поездку в Америку и работу в Советском союзе после приезда из Америки. Книга была написана по совету и указаниям Я. Ильина и создана т. Шейнманом при участии Б. Галина. Предисловие к книге написано Б. Талем и Б. Галиным. **Карл Радек**—«Портреты и памфлеты» (второй том). **Д. Благой**—«Три века», историко-литературоведческие статьи о поэзии трех веков, начиная с Державина и кончая Блоком.

До конца работы партс'езда «Советская литература» выпустит книги:

А. Луначарский—«Ленин о литературе». **А. Безыменский**—«Ночь начальника политотдела». Еще три книги о политотделах МТС: **М. Шагинян** — «Тайна трех букв». **С. Третьякова**—«Тысяча один трудодень». **Д. Хаит** — «Приезд». **Эль-Регистан** и **Л. Бронтман**—«Каракумский пробег» (книга будет богато иллюстрирована). **Л. Кассиль** и **А. Гарри**—«Человек мира» (о стратостате «СССР» (книга выйдет с большим количеством иллюстраций). **И. Эренбург**—«День второй» (о Магнитогорске). **Бруно Ясенский**—«Человек меняет кожу» (первая часть; вторая часть этой книги вышла на-днях). **А. Исбах**—роман «Радость». Тема книги—борьба за выполнение производственного плана на заводе по дизелям. **Н. Тихонов**—«Сами», книга, посвященная 10-летию со дня смерти В. И. Ленина. Художественное оформление книги т. Рерберга.

Кроме того, «Советская литература» выпустила ряд книг в переизданиях: Ильф и Петров — «Как создавался Робинзон» (с иллюстрациями т. Козлинского), **Г. Серебрякова** — «Женщины эпохи французской революции», **Бруно Ясенский** — «Я жгу Париж» и на-днях выходит из печати «Трагедийная ночь» **А. Безыменского** с иллюстрациями худ. **Кравченко.**

МТП

В последние дни производственный отдел МТП значительно усилил темпы своей работы по выпуску книг к партс'езду.

За несколько последних дней помимо двух книг, уже указанных нами в прошлом номере (Россовский —«Записки политотдельца» и Завалишин — «Свежая борозда»), МТП выпустило к партс'езду книги: **М. Шагинян** — «Литература и план». **Н. Зарудин** — «Страна смысла», **Я. Шведов** — «Поиски отечества», **Кононов** — «Упразднение Мефистофеля».

Кроме этих книг, в январе вышли из печати книги, приуроченные к партс'езду: **Демьян Бедный** — «Москва», **Е. Пермитин** — «Враг», **Г. Тарпан** — «Под красным выпелом», **Улин** — «Нэп», **В. Гольцев** — «Саванэ», **С. Буданцев** — «Зенит», **В. Некрасов** — «Сомнения», **Самсонов** — «Вне закона», **Черкасов** — «Борьба за Волгу» и др.

В ближайшие дни МТП выпускает из печати: **В. Ставский** — «На гребне», **Р. Азарх** — «Борьба продолжается», **Канторович** — «Большой шанс» (о Беломорско-Балтийском канале).

Все эти книги по мере выхода их тиража будут направлены в книжные киоски на партс'езд для распространения среди делегатов с'езда.

За рубежом

„НЬЮ-ИОРК ТАИМС" ОБ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В книжном обозрении «Нью-Йорк-Таймс», в обзоре, посвященном Англии, критик Хорвилл вскрывает отсутствие драматического напряжения, насыщенности и динамичности в произведениях современных английских писателей. Он противопоставляет английских писателей советским в пользу последних, подчеркивая у них наличие всех вышеуказанных, недостающих англичанам, качеств.

Единственный род литературы, который за последнее время действительно пользуется в Англии успехом,—это книги путешествий, издающиеся в большом количестве и всегда находящие сбыт. Многие из молодых писателей охотно подхватили эту тематику и пишут, по мнению американского критика, хотя и поверхностно, но свежо и увлекательно.

ЧУДЕСНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Это — только беглые записи о той чудесной реальности или тех реальных чудесах, которые возникли в неуловимо-короткие сроки на 6.550 квадратных метрах московского Политехнического музея. Буквально каждый метр выступает здесь перед восхищенным посетителем, как выражение конденсированной творческой мощи ленинской партии разумной воли восходящего класса, как наглядное свидетельство нового качества всех наших экономических, общественных и бытовых отношений, как живой кусок истории борьбы за социалистическую технику, за социалистическую культуру.

Первое ощущение, овладевающее вами при вступлении на территорию выставки и не покидающее вас до последнего мгновения, — то, что вы находитесь в мире, **которому неизвестно состояние покоя.** Здесь преобладают конкретные вещи. Они дышат, живут, трепещут, они выполняют тут же на виду у вас функции, положенные им их создателем и хозяином — рабочим классом, владеющим одной шестой мира. Мерно подрагивают блестящие линотипы, посвящая вас в «таинства» наборного дела; гудят пропеллеры реющего над вами самолета; стремительно снуют челноки ткацкого автомата, продуцируя ткань из советского сырья; с медлительной уверенностью движется обжимной прокатный стан, только что выпущенный Краматорским заводом; демонстрируют победы советского станкостроения десятки действующих станков с индивидуальными моторами...

Но посетитель нетерпелив. Он не слишком долго задерживается у этих прекрасных вестников освобождения от иностранной зависимости, он жадно стремится дальше, дальше, дальше — в десятки зал, где так же «весомо, грубо, зримо» показано все величие, вся красота «больших» и «малых» достижений социалистического строительства.

Он видит советские мотоциклы и гидрогенераторы, искусственный каучук и узкопленочные аппараты, тончайшие ткани и рентгеновские аппараты, комбайны и медикаменты, грандиозные действующие модели Днепрогэса, Бобриковского химкомбината, Магнитогорского коксохимкомбината, Прибалхашского медеплавильного комбината; он не может далее удержаться от возгласов восхищения, попав в сектор социалистических городов, стройных, легких, просторных и улыбчатых, дышащих солнцем и зеленью.

Внезапно перед ним возникает величественное зрелище, приводящее в состояние некоторого оцепенения:

Новая Москва!

Это ее ближайшее, точно **предусмотренное и предрешенное,** зафиксированное уже в четких директивах и строгих чертежах будущее, будущее, которое уже стало в значительной степени частью **настоящего.**

Вытянувшиеся лентой великолепные проспекты, окаймленные зданиями, в которых воплощены высшие достижения современной архитектурной мысли, рабочие «окраины» и загородные районы, конкурирующие по благоустройству и культурному быту с так называемым «центром» и тесно связанные с ним метро, автобусами, троллейбусами, глубоким вводом и т. д., пышные парки культуры и отдыха, опоясывающие пролетарскую столицу, бурное портовое движение, вызванное к жизни водной системой Волга — Москва, — кто угадает в этом городе-красавце вчерашнюю замызганную, кабацкую, сухаревскую Москву. Москву «Параскевий-Пятниц», «Вшивых горок» и «Собачьих площадок»?

Но — дальше, дальше! Зал Наркомпроса, Наркомздрава и Академии наук. Пред вами — карты школьного строительства, из которых вы узнаете, что план перевыполнен почти в два раза; перед вами — образцы новых стабильных учебников, монографий о лучших советских театрах, продукция школьной самодеятельности, вещественные «доказательства» успехов политехнизации; перед вами — документы, диаграммы, цифры, говорящие о колоссальном росте сети здравоохранения, о крушении знахарства даже в самых отсталых уголках республики и об упрочении авторитета советской медицины, об углубленной научно-исследовательской работе, об изумительных опытах, за которыми с нескрываемым восхищением следит весь мир; перед вами — отчеты Академии наук, ставящие вас лицом к лицу с новым типом ученого, осознавшего всю плодотворность тесной связи теории с практикой, покончившего навсегда с кабинетным затворничеством, идущего в авангарде смелых разведчиков земных недр, воздушных и полувоздушных пространств...

Дальше — **энергетика, водный транспорт,** дальше — **легкая промышленность, пищевая промышленность,** дальше — **черная и цветная металлургия, нефтяная промышленность, сельское хозяйство...** Их много, их очень много, этих огромных зал, искусно оформленных **В. Стенбергом** и **Н. Филипповым,** еще пахнущих свежей краской, непрерывно уплотняющихся новыми экспонатами.

Но никак нельзя обойти молчанием одну достопримечательность, один род «экспонатов», как шутливо выразился возглавляющий приемочную комиссию нарком просвещения **А. С. Бубнов:**

Это — те молодые, почти юные, пролетарские специалисты, которые дают консультации и пояснения посетителям выставки. Они — тоже завоевание революции: многие из них — кость от кости и плоть от плоти класса, победоносно изменяющего мир, — только благодаря Октябрю получили доступ к знаниям. Радостное ощущение связи со своим классом, гордость хозяев, владеющих несметным добром, сквозит в каждом их слове, в каждой уверенной интонации их голоса.

ЯК. ЭЙДЕЛЬМАН.

На открытии партс'ездовской выставки в Политехническом музее. Народный комиссар просвещения тов. Бубнов осматривает гондолу стратостата.

ХРОНИКА

В Америке, в издании Харрисон Смит и Роберт Хаас, вышла книга Мориса Хиндус «Великое наступление». Тема книги — борьба за пятилетний план, преимущественно борьба за коллективизацию сельского хозяйства. Особое внимание автор уделяет происходящему в процессе этой борьбы перевоспитанию масс в духе коллективизма. «Великое наступление» создало, — пишет он, — нового человека, с совершенно новым взглядом на мир и на свое положение в нем. Этот новый человек — крепкое существо, отделавшееся от страха перед богом, от половых и семейных предрассудков и от боязни необеспеченности; он — продукт новой идеи и символ нового общества».

Новая антология американской литературы. Под общей редакцией Оскара Клэриджа вышла пятитомная антология американской литературы. Том I («Корни национальной культуры») охватывает американскую литературу до 1830 года. Том II («Триумф романтизма») посвящен периоду 1830—1860 гг. Том III (1860—1888 гг.), озаглавлен «Возвышение реализма». Том IV («Социальное возмущение») охватывает период с 1888 года до начала мировой войны. Послевоенная американская литература собрана в V томе, носящем заглавие «Современные направления».

В Варшаве вышла книга А. фон Гютри «Малоизвестная литература». В книге помещены монографические очерки о наиболее видных польских писателях: Сершевском, Каден-Бондровском, Налковском, Стефане Жеромском и др.

Романисты из генерального штаба

В начале января в Токио вышел роман, имевший сенсационный, почти скандальный успех. Реакционно-патриотическая печать устроила ему небывалую по своим размерам рекламу. — Эта замечательная вещь, — писали газеты, — скоро станет любимой книгой каждого японского солдата и моряка.

Роман не имел ничего общего со старояпонской литературой и был написан вполне в европейском вкусе. Это был роман-утопия. Автор его, морской лейтенант в отставке Кноске Фукунага, видимо, основательно изучил технику англо-американского фантастического романа, в частности, романа Уэльса. Но не только в этом претендует он на литературное родство с английским писателем. Его книга весьма недвусмысленно перекликается с последней уэльсовской утопией «Очертания грядущего», утопией о будущих войнах и судьбах цивилизации.

Фукунага, как и Уэльс, берет в сущности ту же концепцию: Япония против Соединенных штатов. Он так и пишет в заголовке: «Записки о будущей войне между САСШ и Японией». Но разрешает он эту тему по-своему.

Если для Уэльса будущая война — это путь к дальнейшим социальным катастрофам, приводящим в конце концов к полуфашистской «диктатуре образованного меньшинства», то Фукунага преподносит уже откровенно фашистскую теорию. Для него, как для всякого патриотически мыслящего японца, да еще офицера японского флота, война — это «очищение» мира, путь не к катастрофам, а к возрождению. Если Уэльс, сталкивая Японию с САСШ, хладнокровно жертвовал флотом обеих держав, то Фукунага жертвовать японским флотом не хочет. Японский флот у Фукунага — это герой романа, и каждая строчка книги — это гимн японской военной мощи, японской доблести и острию японских штыков.

В «Записках», как и в «Очертаниях грядущего», действуют не личности, а массы, не люди, а войска и дредноуты. В романе, впрочем, есть и индивидуальный герой, судьба которого начинает завязку и завершает развязку романа. Но этот герой почти символический, персонификация японского патриотизма, литературный наследник тех мичманов, что фигурировали недавно перед военным судом, в качестве убийц Инукайи.

Какой же подвиг совершает в романе этот не совсем обычный литературный герой? Подвиг тоже не совсем обычный. Он даже рекомендует в своем вступлении никому из офицеров не совершать таких «подвигов», ибо это противоречит рассудку и дисциплине. Сам же он, будучи на месте Маки, вероятно, поступил бы так же, добавляет он, но это, мол, касается его и никого больше.

Действие романа происходит в 1936 году после провала вашингтонской конференции, когда конфликт между Японией и САСШ достиг небывалой еще остроты. Шанхайский рейд. На рейде японская миноноска «Нара» и американский флагманский броненосец «Хустон». И вот командиру миноноски приходит в голову безумная мысль найти повод к войне, на которую не решаются правительства обеих держав. Маки не раздумывает. В ушах его звучит уже далекая музыка будущей канонады, ему грезятся пушки, посылающие снаряды на побережье врага, эскадрильи, осыпающие бомбами палубу вражеских броненосцев, победоносный шаг наступающих японских дивизий. И он, не колеблясь, совершает «акт, противоречащей рассудку и дисциплине»: мина отправляет «Хустон» на дно вместе с американским адмиралом и командой.

Маки, понятно, арестован, его везут в Токио и предают военно-полевому суду. Небывалое возбуждение царит в стране. Имя Маки произносят с благоговением, как имя великого героя. «Я хотел войны, — говорит Маки на суде, — пусть меня расстреляют, но история вынесет беспристрастный приговор. Она покажет, кто был прав».

Маки приговорен к расстрелу. Он стоит у стены перед взводом матросов. Раздается залп. Но Маки остается невредимым. Пули не задевают его. «Вокруг его головы было сияние, — говорят матросы,— мы не виноваты».

Спасенный «чудом» Маки остается жить: по японским законам, нельзя вторично приводить в исполнение смертную казнь. Страна ликует, «нерешительное» правительство падает, и мощная машина армии и флота приходит в движение.

Фукунага детально с сознанием дела описывает картины воображаемой войны. Она ведется на море и в воздухе и на суше, где японское население САСШ взрывает заводы, укрепления, мосты. Автор буквально смакует описания диверсионных актов. На крейсере «Оклагома» подкупленный японцами матрос расставляет в трюме целую серию адских машин. «Оклагома» проходит Панамский канал. Машины взрываются, гибнет судно, гибнет канал, разрушенный силой взрыва.

Гигантское морское сражение происходит в тихоокеанских водах. Сначала Япония побеждает в воздухе. Американские авиоматки пущены ко дну, американские эскадрильи гибнут в бою с японскими воздушными силами. Американский флот обезоружен, лишившись воздушной защиты. Он еще пытается защищаться, но японские суда парализуют морскую артиллерию противника. Тут автор совершенно захлебывается от патриотических мечтаний. Он не оставляет Америке ни малейшего шанса. Дождь бомб выводит из строя добрую половину американского флота, а остальные суда, сдавшись в плен, отправляются в Токио как военный приз.

Финал войны — на Гаваях. Японские суда захватывают американские колонии в Тихом океане. Смятенная Лига наций безоговорочно утверждает все права победителей, и в японском уже Гонолулу воздвигается памятник первому герою войны—великому лейтенанту Маки.

Этим и заканчивается роман, имеющий все шансы сделаться литературным евангелием японской военной клики. Естественно, что эти весьма недвусмысленные «Записки» вызвали настойчивые запросы американских корреспондентов, атаковавших приемную военного министра Араки. Но Араки любезно раз'яснил, что роман этот, мол, написан «для развлечения» лейтенантом в отставке и, следовательно, ничего официального в себе не содержит. Удовлетворились ли этим корреспонденты, нам неизвестно, но мудрое «раз'яснение» Араки довольно откровенно опровергалось публицистическим «обрамлением» книги, ее двумя адмиральскими предисловиями.

Одно из них написано вышеупомянутым адмиралом Като, другое вице-адмиралом Суэцугу. Като является членом верховного военного совета, а Суэцугу — главнокомандующим японским флотом. И оба они написали, что роман Фукунага «отражает мечты каждого японского патриота» и является не только «книгой для развлечения», но почти техническим руководством для будущей войны. А вице-адмирал Суэцугу с поистине солдатской прямотой даже признался, что был бы вполне удовлетворен таким характером и оборотом войны и был бы горд, если бы начальником его штаба был сам автор романа.

Эти раз'яснения были куда откровеннее «раз'яснения» Араки. Они отражали чаяния и настроения фашистской военной клики в той же мере, в какой отразил их и сам роман. Они об'ясняли и причины, его сенсационного успеха, созданного агентурой японской военщины.

Любопытная подробность. На днях американские таможенные власти в Гонолулу задержали 77 ящиков, прибывших с пароходом «Чичибу-мару» в адрес местного японского консульства. В каждом ящике было около сотни экземпляров «Записок» Фукунага. Впоследствии такой же «груз» был перехвачен в Сан-Франциско. Тут уже дело пахло не «романом», написанным для «развлечений», тут расписывалась та же рука, что инструктировала фашистского автора, подписывалась под его стряпней и продвигала на рынок эту «литературу» в офицерском мундире, сочиняемую маньяками из японского генерального штаба.

Ал. АБРАМОВ

Рис. ЛИСА.

«В мечтах о герое романа»

ФРОНТИСПИС КНИГИ Я. ИЛЬИНА «БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР».

КНИГИ

С. Годинер

„ЧЕЛОВЕК С ВИНТОВКОЙ"

Это повесть о первых послеоктябрьских боях, о «становлении» пролетарской военной стратегии, о переплавке тысяч деклассированных империалистической войной людей в целеустремленных пролетариев, начинающих правильно ориентироваться в сложной действительности и понимать организующую, руководящую роль большевизма.

Главное действующее лицо книги—Первый смешанный красногвардейский отряд, получивший задание ликвидировать белогвардейскую группу Бека, продвигающуюся на помощь ген. Каледину. Надо отдать автору должное: Первый смешанный не выступает в повести неким «сплошняком», бесформенной массой, за которой неразличимыми остаются индивидуальные черты формирующих ее единиц. Перед читателями проходит разнообразная галлерея фигур, и каждая имеет свою биографию, свое лицо. Правда, не все они органически входят в ткань повествования, отсюда их некоторая эпизодичность. Наиболее удачен образ командира отряда Герша Кеслера, еврейского рабочего, получившего, как правильно догадывается другой персонаж повести — Окунь, свое политическое воспитание на «заплесневевших крохах национал-социалистических партий» и потому не отделавшегося еще от «пятен мелкобуржуазных желаний и настроений». Процесс освобождения от этих «пятен» Годинер показывает довольно убедительно.

Ярким запоминающимся мазком дана также в книге фигура старого большевика-начдива Антона Андреевича. Зато явная неудача—образы классовых врагов. Здесь в голосе писателя звучат фальшивые ноты.

Следует отметить удачный за редкими исключениями перевод **М. Шамбадала и Д. Гликмана** и несметное количество... опечаток, затемняющих нередко самый смысл фразы.

Я. Э—Н.

ГИХЛ, М., 1933, стр. 232, ц. 2 р. 50 коп., п. 50 коп.

Борис Ручьев

„ВТОРАЯ РОДИНА"

Эту книгу стихов нельзя рассматривать в обычный критический микроскоп. Эта книга — молодая, — может быть, даже слишком молодая.

Уже в первом стихотворении мы наталкиваемся на технические неполадки. Неудачные обороты вроде: «тишину и отдых побросав», «по-хозяйски чуток и обычен» встречаются в большинстве стихотворений.

Есть в них и примитивная агитационность, неоформленные лозунги, схематические, недоработанные образы.

Но многое искупается цельностью и направленностью книги. В отличие от многих сборников стихов, об'единенных только хронологически, в ней есть твердый тематический стержень. Все стихи спаяны в цикл одним лирическим образом, который доходит до читателя во всей своей конкретности. В книге есть герой — человек, созданный нашим строительством. Бывший отходник, крестьянский парень, который нашел «вторую родину» на производстве.

Новая тема дает возможность нащупать пути к созданию новой формы.

В стихотворении «Артель-бригада» удачны те места, которые определяются целиком идейной установкой автора. Так, например, даже пейзаж дается не в образной статике, а в становлении:

Еще у предгорий не взорваны
спины,
и ветер киргизскою домрой
поет,
и город лежал еще в тихой
долине
разметкой масштаба великих
работ.

Автору можно пожелать только расширить свой поэтический арсенал. Пока в его стихах преобладает интонация песни. Но поэту новой темы нужны и новые, более свободные ритмы.

Нужен сильный, мужественный голос.

В. Т.

«Советская литература», М., 1933, стр. 76, ц. 1 р. 25.

Обзор литературной печати

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ТИПИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

«Теперь уже все признают,—говорил 26 января в своем докладе XVII с'езду партии т. Сталин,—что наши успехи велики необычайно. Страна переведена в сравнительно короткий срок на рельсы индустриализации и коллективизации. С успехом осуществлена первая пятилетка. Это рождает чувство гордости и укрепляет веру в свои силы у наших работников».

Если из всей суммы успехов, которыми ознаменовано трехлетие, протекшее между с'ездами партии, выделить достижения культурного фронта и в частности литературы, то одними из первых следует назвать **рост и углубление так называемой областной** (краевой, районной) **литературы.** Разнообразнейший производственный, географический и культурный уклад областей и краев, входящих в наш великий Союз, рождает все более крепнущую количественно и качественно литературу, создаваемую писателями **данного** края или области, отображающую специфику именно **данной** области или края.

В этом смысле Западная область, однодневная **«Литературная газета»** которой выпущена к XVII партс'езду местным союзом советских писателей, представляет собой показательное и радостное явление. **Последние три года роста литературы Западной области никак не могут быть сравнены с предыдущим периодом,** хотя бы потому, что до 1930 года в Смоленске было издано в разные годы только несколько литературно-художественных сборничков. **За последние же три года писатели области написали и издали десятки книг, большое количество сборников,** альманахов и т. д. В 1931 году начал выходить областной журнал **«Наступление»,** а **тираж произведений областных писателей за три года превысил 100.000 экземпляров. Создается**—и это начинание следует приветствовать — **областная литература для детей** (сборник «Дело чести»), областная оборонная литература. Ряд писателей, выросших в области (**Завьялов, Твардовский, Кудимов, Рыленков, Исаковский, Ильенков** и другие), печатается и издается в центральных издательствах.

Не менее важным является то, что этот **количественный рост за последнее трехлетие сопровождается повышением качества областной художественной литературы.**

Идейно-художественный рост писателей Западной области состоит в том, что они ставят и стремятся художественно разрешить основные хозяйственные, культурные и бытовые проблемы на материале своей области, живых ее людей. Не случайно поэтому большая часть писателей Западной области занята тематикой колхозной деревни (поэмы, стихи и очерки **Твардовского, стихи Рыленкова, Фиксина, Дворецкого, Горбатенкова,** очерки и рассказы **Шурыгина, Загорного, Павлова, Долгоненкова** и др.). Меньшее место занимает в творчестве писателей области производственная тематика—и не потому, что в области мало соответственных об'ектов. Здесь, очевидно, как констатирует «Литературная газета Западной области», дело, главным образом, в том, что большинство писателей «недостаточно крепко связано с основными производственными предприятиями области не столько, сколько надо, бывает на новых строительствах». И газета совершенно правильно видит в этом свидетельство отставания областной литературы от действительности—потому, что только активное включение писателя в самую гущу социалистической практики обогащает его глубоким знанием жизни.

Писатели, работающие на производственной тематике (**М. Завьялов. В. Кудимов,** очеркист **Мандрик,** рабочие-писатели **Степунин, Посканный, Соколов, Михайлов** и другие), еще далеко недостаточно реализуют указание о художественной популяризации областных проблем секретаря партийного комитета области **И. Румянцева,** кстати сказать, по свидетельству газеты, чрезвычайно активно поддерживающего областную литературу.

Между тем область непрерывно выдвигает новые литературные кадры. Достаточно указать, что в одних только военных частях округа насчитывается пятнадцать литературных кружков и сто сорок пять кружковцев и молодых красноармейских писателей.

На своих не плохо оформленных полосах «Литературная газета» дала общий обзор литературного фронта области, несколько образцов творческой продукции ее писателей, краткие критические очерки об областных поэтах и прозаиках и полосу, посвященную другим фронтам искусства области,— ее живописи, скульптуре, графике, музыке, театру.

«Литературная газета Западной области» дает беглое, но достаточно наглядное представление о тех новых кадрах, которыми пополняет литературный фронт Союза Западная область. **Сама газета—факт ее выхода, ее содержание и оформление—неоспоримый признак литературного роста области.**

И самое важное—Западная область не исключение, а типичное явление.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ И. С. ТУРГЕНЕВА

НАЙДЕНО 59 ЛИСТОВ ТУРГЕНЕВСКИХ РУКОПИСЕЙ

Автографы произведений И. С. Тургенева известны в сравнительно небольшом количестве. Гос. Исторический музей из обширных материалов рукописных собраний мог представить только один рассказ «Притыный кабачек» (впоследствии — **«Певцы»).**

Теперь в тех же рукописных фондах найдены материалы к подготовке собрания сочинений издания 1869 г.: **59 листов автографов Тургенева.**

В них заключаются произведения I тома сочинений (изд. 1869 г.) — «Литературные и житейские воспоминания»: «Вместо вступления», «Литературный вечер у Панаева», «Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу «Отцов и детей», дополнения и исправления статьи «Воспоминания о Белинском» (по тексту «Вестника Европы»).

В автографах представлены известные варианты и дополнения к повести «Два приятеля» и роману «Дым».

Все автографы — беловые. Но и в них немало следов тщательной работы Тургенева. Так, например, знаменитая **«Аннибаловская клятва»** появилась только в беловом тексте над аккуратно зачеркнутой строкой иной редакции.

КНИГА О ШЕСТОМ ЧУВСТВЕ

„БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР" Я. ИЛЬИНА

Г. МУНБЛИТ

В этой книге, незавершенной и угловатой, без точно разверутого сюжета и стройной системы выполняющих предначертания автора действующих лиц, есть то единство, которое отличает подлинную литературу от тщательно выписанных беллетристических безделушек. Эта книга не отвлекает от виденного сегодня, не переносит в мир округлых жестов и сверкающих глаз. Явления, о которых она повествует, не приобретают в ней несвойственную им симметричность, не становятся искусственно живописными, слишком сложными или слишком простыми.

И вместе с тем, прочтя книгу, читатель увидит в этих явлениях нечто новое, читатель по-новому их осмыслит, читатель по-настоящему их поймет.

Потому что уровень понимания вещей, на котором написана книга, сделает ясным читателю их смысл и путь, потому что уровень этот, доступный лишь людям, перестраивающим мир по разработанной точно программе, был достигнут автором этой книги прежде, чем он ее начал писать.

Эта книга — о людях и технике, о той роли, какую надлежит играть технике в жизни людей, и о роли, которую сыграла революция в истории техники.

Автор отчетливо понимает смысл борьбы за индустриализацию в нашей стране. Он далек от того, чтобы представлять себе технику, как самоцель. И вместе с тем он знает, что новая жизнь формируется не заклинаниями.

Он знает также, что в борьбе за социалистическую технику в наших условиях, в борьбе за освоение массового поточного производства, как нигде на другом участке, проверяются люди.

Поэтому постройку и освоение величайшего в мире тракторного завода он делает средоточием своего романа. Поэтому свое отношение к людям, о которых он пишет, он определяет в зависимости от их пригодности к борьбе за социалистическую технику, от их воли к преодолению препятствий, стоящих на этом пути.

И роман становится средоточием вопросов, стоящих сейчас перед нашей страной, роман оказывается в центре тех интересов, какими она сейчас живет.

«Наш читатель требует, чтобы книга отвечала его запросам и настроениям, наш читатель ждет от книги нового строя мыслей, типов, ощущений, дум. Он не любит жвачки, пресноты, томительных поучений, восклицательных знаков, лакирующих серость мысли», — пишет Яков Ильин в предисловии к своей книге.

Он достиг своей цели. Тема, взятая им, целиком отвечает запросам читателя. И в трактовке ее нет ни пресноты, ни томительных поучений, ни восклицательных знаков.

Книга явственно устремлена. Книга борется. Книга преодолевает. Но без отвлеченной дидактики, без назидательно-указующего перста, без патетического разоблачения. В ней нет тщательно сконструированных праведников и яростно выписанных злодеев. В ней борются и любят, учатся и работают живые люди с реальным строем мыслей и чувств, в реальных условиях, на отчетливо данном участке истории.

Люди построили величайший в мире завод. Построили в степной, отсталой, крестьянской стране. В стране, где существовали пять названных Лениным общественно-экономических укладов. В стране, где сохранилась еще соха, в стране, где грязь, невежество, дикость и суеверие воспитывались столетиями, где существовала еще кровная месть и сев из лукошка, где умыкали девушек и стреляли из луков.

Казалось, что завод в этой стране — чужероден. И, впервые возникая в романе перед глазами одного из героев, он выглядел именно так.

«Завод возникал, как огромный ослепительный макет. Это была трехмерная фототипия из американского каталога. Здания цехов казались перенесенными, пересаженными извне, как растения на новую, пустынную пока еще почву».

На заводе работают люди. Люди, еще недавно умыкавшие девушек и сеявшие из лукошка. Люди, которых нужно научить работать на сложнейших станках, в точнейшем производственном режиме, в условиях тщательнейшей согласованности между отдельными операциями.

Для этого необходимо конкретное, умное и деловое руководство, для этого нужна точно разработанная программа, нужна ясно видимая, продуманная и реальная цель.

Роман Ильина борется за эти методы руководства, разрабатывает эту программу, формулирует эту цель.

Пусть не думает читатель, что задачи эти не под силу литературе. Пусть не думает он, что, перегруженные ими, роман Ильина перестает быть романом. Ибо они не побочны в романе (в этом случае они неизбежно перегружали бы его), а находятся в его центре. Ибо вся специфика романа, как литературного жанра, осмыслена здесь, как метод борьбы за социалистическую перестройку мира, а не принесена в жертву этой борьбе.

Спор о методах руководства заводом Ильин показывает не отвлеченно. Живые люди проходят перед читателем, воплощая в своих поступках и мыслях систему взглядов и навыков, им свойственную.

Так возникает в романе Игнатов — начальник строительства и директор завода, за которым укрепилась слава «человека решительного, самобытного и властного», которому «все нипочем», который «свое возьмет», который знает об этой славе и дорожит ею. Ему сопутствует своя манера работы—штурмы, субботники, самоотверженность, пламенное митингование, шумное поощрение, яростные разносы.

Стройка при нем подвигается скачками, неожиданные победы сменяются поражениями, система отсутствует, плана нет. И когда дело доходит до освоения производства, порочность игнатовских методов руководства сказывается с особенной остротой. Завод лихорадит, конвейер стоит, люди измотаны, выпуск тракторов минимален.

Ильин не разоблачает Игнатова прямолинейно и безоговорочно. Обдик этого человека временами внушает читателю симпатию. Игнатов великолепен в беседе с американскими фабрикантами, на с'езде хозяйственников, в эпизоде войны за жилье. Он не все еще понял в новых условиях, не перестроился, не научился работать по-новому. Но пути ему не заказаны, партия переделывала и не таких, как он, — партия нуждается в таком человеческом материале.

На смену Игнатову на завод приходит Барков. Не пытаясь разобраться в сути тех трудностей, которые тормозят освоение завода, он искусственными методами гонит вверх выпуск тракторов. В споре между американскими и русскими инженерами он принимает сторону русских, и на заводе, построенном по американскому типу, готовы восторжествовать тенденции людей, задумавших «подковать аглицкую блоху». Недостатки в организации производства, возникшие при Игнатове (кстати сторонники «американцев») углубляются при Баркове. Завод попрежнему работает плохо, вопрос о методах руководства попрежнему не решен.

И тогда вместе с новым директором завода Селиверстовым возникают в романе «шесть условий».

Данные, как новый угол зрения на вещи, как мировоззрение, целиком отвечающее новым условиям, как ответ на вопрос, над которым мучительно бьются сменяющие друг друга директора, они, кроме того, играют в романе роль сюжетного разрешения, роль кульминации.

Они могущественно врываются в жизнь завода, в жизнь работающих на нем людей. Они — не политическая сенсация, узнанная на службе, а фактор, коренным образом меняющий быт людей, их психику и манеру работать. О них даже нельзя сказать, что они «умело вплетены в роман», потому что их значение в романе первостепенно. И в этом — заслуга Ильина, в этом — сила его книги, в этом **— секрет** ее тематического единства.

Вторая задача, которую ставит себе Ильин, — разработка программы организации производства. Так же, как и в вопросе о методах руководства, спор решают живые люди.

С одной стороны, группа американских и русских инженеров, побывавших в Америке и отстаивающих американскую программу организации. С другой — русские инженеры, сторонники критического отношения к американцам, сторонники пересмотра норм и взглядов «импортного происхождения».

И опять без нажима, без подчеркивания и многозначительной акцентировки, Ильин дает этот спор в живых эпизодах, в столкновениях людей на предельно конкретных участках. Разрешает спор на этот раз тезис, воплощенный в живом человеческом образе, тезис, бесспорность которого доказывается не словами, а всем обликом этого человека. Роль эту играет в романе инженер Бобровников — плотный, веселый, умеющий работать, думать, веселиться и любить человек. С момента появления его в романе во всех спорах и столкновениях, в каких он показан, симпатии читателя неизменно склоняются на его сторону, — не только потому, что он всегда прав, но еще и в силу того обаяния, каким наделил его образ автор. Спор между «русскими» и «американцами» решает самое присутствие Бобровникова в романе. Именно он, сочетающий блестящее знание своего дела с умением отдавать всего себя этому делу, воплощает в себе революционный размах, соединенный с американской деловитостью. Именно в нем органически слиты те, казалось бы, несовместимые противоречия, которые сталкивают «американцев» и «русских» в бесплодных и озлобленных спорах.

Итак, методами искусства роман Ильина разрешает два основных вопроса нашей действительности — вопрос о методах руководства социалистическим предприятием и вопрос о принципах его построения.

Но остается еще вопрос о цели всего того, что на заводах, в деревне, в стране сейчас происходит, и как частность его — вопрос о том, какую роль надлежит играть технике в жизни людей.

Ильину ясно, что восприятие техники, как самоцели, — почва для делячества, ограниченного, суженного взгляда на вещи. Он понимает, что самая постановка вопроса в этом плане была бы чрезмерно упрощенной. Поэтому спор о цели и о роли техники в достижении ее он поворачивает иначе.

Здесь на первый план выступает Газган — зав. культпропом парткома Волжского тракторного завода. Ему принадлежит последнее слово в споре. Он формулирует цель, ради которой совершается все, о чем рассказывает Ильин в романе.

Чувство меры и художественного такта не покидает Ильина и здесь. Газган далеко не является схематизированным носителем истины на всем протяжении повествования. В начале романа он делает много ошибок, он многого еще не понимает, он еще нерешителен и не уверен в себе. Но он вырастает вместе с заводом. И заключительная его «речь о счастьи» звучит не как одна из неопровержимых истин, изрекаемых «положительным персонажем», а как итог двухлетних поисков правды, формулируемой человеком, сформировавшимся в романе, прошедшим через все этапы строительства, активно в них участвовавшим и много думавшим над всем, что попадалось ему на пути.

Противником Газгана выступает журналист Дмитриевский. Он вовсе не олицетворяет простого делячества или кулацкой теории о счастливом голом человеке на зеленой траве. Он весьма своеобразно и с предельной жизненностью сочетает эти внешне несовместимые взгляды. Он «максималист» в вопросе о роли техники, и он же — сторонник «изолированности от мира, тишины, белых лилий в заросшем пруде, белых окон, раскрытых в сад».

Он говорит: — «Представьте себе человека: всю жизнь провел он в сутолоке, строил дома, говорил речи, ездил в автомобиле. И вот наступает однажды ночь, он остался со всей вселенной один на один. И, ложась спать, он вспоминает: утром по реке шла легчайшая розовая рябь, он ехал на лодке, мокрыми сильными руками он подымал весла. В воду вошла девушка. Она гнулась от холода, на спину к ней упал лист; она повела плечом и неловко, плашмя упала в воду; она забила руками, закричала и шумно поплыла. Увидев его, она застеснялась, замолчала, заплыла за кусты и там спряталась. А он поплыл дальше. Никогда он не думал о ней, не знал, что память сохранит ему это утро. И вот человек уже сам не свой, и он едет на ту реку, в тот город, только в то утро не может он поехать — ни один вокзал не выдаст ему плацкарты. Но нет уже ни города, ни реки — стоит хотя бы тот же ваш завод, да, может, еще здлобавок и он сам его построил. И вот тогда он понимает, что это было счастье — эта девушка, та розовая вода, то странное, смутное и смешанное чувство, которое в то утро владело им. А то, что теперь, — это старость. Тому минуло уже тридцать лет, ему пятьдесят пять, он стар, жизнь кончилась. И почему он в то утро не свернул с дороги, не забыл обо всем, не остался навсегда в этом городе, с этой девушкой».

И тогда-то Газган произносит свою «речь о счастьи».

«У каждого из нас, — говорит он, — есть воспоминание о реке, о девушке, о розовой воде, о смешанных и странных чувствах, застигающих нас порой. Это жизнь. Разве кавалеровское представление о Бабичеве — делателе колбас, о Бабичеве, воспевающем сосиски и фабрики-кухни, с его строем деляческих чувств, противостоящих кавалеровскому богатству чувств прежних эпох, — разве эти оба строя чувств живут разорванно и не дают преобразованного, очищенного от капиталистического извращения, нового строя чувств, неизвестного уткнувшимся в прошлое литераторам, неизмеримо более богатого, нежели кавалеровские зависть, жажда славы, честолюбие, гордость, любовь, мечтательность, нежели «деловитость» и практицизм Бабичева? Разве мы не видим этого нарождающегося вокруг нас нового строя чувств, где есть и слава, очищенная от зазнайства и себялюбия, и соревнование, очищенное от конкуренции, и любовь, и мечтательность, и трезвость, и практика, — разве мы не обладаем неизмеримо более высоким чувством, незнакомым ни Эренбургам, ни Чейзам, ни Кавалеровым, ни Бабичевым, — чувством хозяина одной шестой (пока что) и гражданина всех шести шестых мира? Это — наше шестое чувство... Да, техника приближает нас к этому — и не на один сантиметр, а на сотни миль. И поэтому дающий перебои конвейер на Тракторном нас более волнует, чем все девушки мира, утром — смущению и неловко, или искусно и смело — входящие в воду, хотя и девушки нам очень по душе. Сорок тракторов, сползающих с ленты Волжского конвейера — это миллион хозяйств, это пять миллионов людей, имеющих возможность получить то, от чего бегут Эренбурги и Чейзы: силу машин, работающих на них, культуру большого города. И потому мы за технику! За технику, поставленную на службу новым потребностям! За технику, нашу, социалистическую!.. Мы сумели превратить интерес общественный в интерес личный, и в этом наша сила. Успеху общему мы радуемся больше, чем удаче собственной, ибо собственная удача захватывает лишь край нашей жизни, вся же она отдана тому, чтобы создать жизнь, которой сейчас нет у населения пяти шестых земного шара».

Так говорит Газган, завершая роман о строительстве Волжского тракторного завода и о его освоении, так говорит он, формулируя мысли автора о счастьи и о социализме.

Такова эта книга — о людях и технике, о той роли, какую надлежит играть технике в жизни людей, и о роли, какую сыграла революция в истории техники.

Литкружок Краснознаменного ЦАГИ

ЗАВОЕВАТЬ ПРАВО!

Ударной и оперативной работой литкружок ЦАГИ завоевал себе полное право на рапорт авангарду большевистской партии—XVII партс'езду. Победных итогов литкружковцы добились на основе большевистских темпов работы всех заводских организаций под руководством парткома. Сила и успехи кружка коренятся в его повседневной, тесной и органической связи со всеми звеньями заводского коллектива.

Вызов, брошенный московским литкружкам кружковцами ЦАГИ, должен приковать к себе внимание широкой литературной общественности. Ценность документа цаговцев заключается в том, что подготовку к с'езду писателей они поднимают на более высокую ступень, подчеркивают узловые вопросы литмассового движения на сегодняшнем его перевале и выдвигают показательные образцы работы литературного кружка.

Что подготовка к писательскому с'езду по линии литмассового движения идет сейчас замедленным темпом, это верно и не требует доказательства. Достаточно указать, что на таких гигантах, как завод «Динамо» и завод им. Сталина, литкружки не имеют руководов, не ведут систематической литературно-творческой учебы, массовой работы и в подготовке к с'езду почти не участвуют.

Опыт литкружка ЦАГИ доказывает, чего могут добиться кружковцы, если они правильно понимают свои задачи, ведут свою работу в тесном контакте с заводскими организациями и литературно-массовое движение увязывают с общезаводскими задачами. Программа занятий, построенная на учете конкретной обстановки, гибкие формы и методы работы превратили кружок в крепкую и действенную политмассовую организацию завода.

Было бы ошибкой утверждать, что литкружок ЦАГИ добился наивысших показателей, что вся система его работы — тот предел, на котором можно уже успокоиться. В своем документе кружковцы самокритически вскрывают свои промахи. И эти ошибки должны быть всеми учтены.

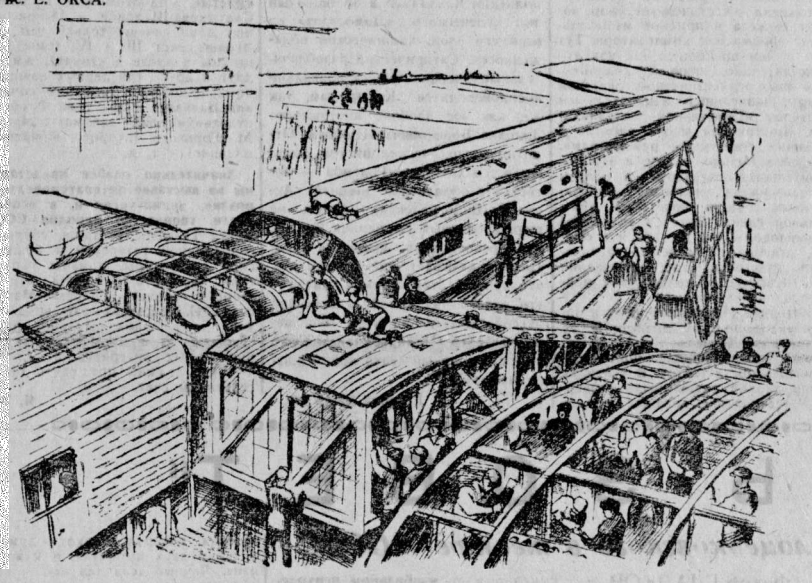
Какие главные выводы следует сделать из документа литкружка ЦАГИ?

Каждому литкружку надо пересмотреть всю систему своей работы с точки зрения проверки ее достижениями цаговцев. Отстающие звенья должны быть подтянуты в ударном порядке.

Каждый литкружок должен включиться в соцсоревнование по показателям, выставленным кружковцами ЦАГИ.

Каждый литкружок обязан поставить перед собою и выполнить на деле следующую задачу: завоевать право на рапорт с'езду писателей и право участвовать — своими художественными произведениями — в «Литгазете».

Рис. Е. ОКСА.



Строющийся гигант-самолет «Максим Горький».

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ИДЕТ НА ПОД'ЕМ

Рассказ литкружка ЦАГИ о своей работе

ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт) призван дать стране лучшие образцы летных машин.

Мы, литкружковцы ЦАГИ, счастливы заявить перед лицом XVII партс'езда, что наша деятельность неразрывно связана с борьбой всего заводского коллектива за построение социалистического общества, за укрепление красного воздушного флота.

Наш кружок сравнительно молодой. Работа по-настоящему в нем началась год назад. Мы добились серьезных успехов почти на всех участках. Это не голословное заявление! В качестве подтверждения мы можем сослаться на то, что литкружок получил положительную оценку и премии от нашего завкома, Оргкомитета ССП и культотдела ВЦСПС.

Программа и методы нашей работы определяются следующей общей установкой: литкружок является массовой организацией, борющейся посредством художественного слова за производственную программу нашего завода.

Как мы строим занятия? Первые беседы были посвящены уяснению задач художественной литературы, ее специфики. Дальше план работы строился из учета заводской обстановки.

В таком же плане готовились и к МЮД. Подготовку к XVII партс'езду провели по следующей программе: ряд занятий посвятили теме «Ленин о партийности в литературе», «Показ коммунистов в советской литературе» и «Язык сочинений Ленина и Сталина».

Для углубленной проработки основных произведений Алексея Максимовича мы организовали специальный семинар, в котором группа кружковцев выступила с самостоятельными докладами.

Занимаясь изучением особенностей художественного слова, многие кружковцы заинтересовались искусством художественной детали. Это обстоятельство совпало с 50-летием смерти Тургенева. И вот тема занятия строится не в плане общего разбора творчества этого писателя, а в суженном разрезе — «Тургенев и искусство художественной детали».

Творческие занятия мы ввели в систему. Проходят они не самотеком, а организованно. Мы поставили за правило, чтобы каждый вечер по возможности посвящать или одной теме или одному жанру.

Большое внимание уделяем массовой работе. Три условия определяют деятельность нашу на этом участке: 1) пропаганда художественной книги, 2) вовлечение активных читателей в литкружок и 3) оперативное включение творчества кружковцев в текущие заводские кампании.

За год работы мы организовали десять литературных вечеров и три читательских конференции. Цеха, *бараки, радиоузел — пункты нашей* пропагандистской работы.

Каждое выступление литкружковца — это отчет о его работе и раз'яснение идеи литературного кружка. Редкий вечер-выступление обходится без того, чтобы кружок не пополнялся новым товарищем «подпольщиком», работавшим до того в одиночку.

В настоящий момент кружок насчитывает 28 человек, из них рабочих — 18, членов ИТР — 3, женщин — 5. Творчески работающих: прозаиков—10, поэтов—2.

Спор о задачах литературных страниц заводской газеты у нас разрешен давно, и тот факт, что кружок выпустил за год 40 литстраниц, говорит сам за себя. Мы стараемся включиться в оперативный план заводской газеты ЦАГИ и даем вещи, написанные на актуальнейшие темы.

В числе условий по подготовке к с'езду писателей мы выставили обязательство выпустить следующие брошюры: об изобретателях, о лучших ударниках завода, о комсомоле ЦАГИ, о строительстве самолета им. М. Горького и брошюру о работе литкружка. Первая и последняя брошюры находятся уже в печати.

Общий культурный уровень кружковцев поднялся и поднимается неуклонно. Все мы отчетливо сознаем, что без высокой культуры, политической подготовки и критического освоения культуры прошлого художественную литературу, достойную нашей эпохи, создать невозможно.

Вот перечень книг, прочитанных отдельными нашими активистами за декабрь—январь:

Инько: «Неточка Незванова» Достоевского, «Я люблю» Авдеенко, «Партийная организация и партийная литература» Ленина, альманах «Год 16-й», № 1 и № 2, «Семейная история» К. Финна, «Социалистический план науки» Куйбышева, рассказы Бабеля, статью в «Красной нови» о технителлигенции «Шарикоподшипника», сборник «Военлеты», «Атака» Ставского, «Большой конвейер» Ильина, статьи в «Литкритике» и «Литгазете».

Ф. Потоцкий: «Наталья Тарпова» Семенова, «Скутаревский» Леонова, «Натан Мудрый» Лессинга, «Дело Жуковской» Никулина, «Происхождение христианства» Каутского, «Литературный критик», хрестоматия диамата.

В. Васильев: третья книга «Тихого Дона», «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «ЦАГИ» Н. Боброва, «Трест ДЕ» Эренбурга, «Ледолом» Горбунова, «Цусима» Новикова-Прибоя.

Максимачев: «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, «Конармия» Бабеля, «Цусима» Новикова-Прибоя, стихи Багрицкого, «Стихи у конвейера» Безыменского, «Человек меняет кожу» Ясенского.

Ниршберг: проза Маяковского, рассказы Ставского, Стендаль «Ванинь Ванина» (библиотека «Огонек»), Новиков-Прибой «Соленая купель», первая глава «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, тезисы докладов Молотова, Куйбышева, Кагановича.

Ф. Соловейчик: «Осада» Бутковского, «Бруски» Панферова, «Жизнь Клима Самгина» Горького, «Я люблю» Авдеенко, «Война и мир» Толстого.

Ряд произведений кружковцев напечатан в центральной прессе. В «Труде» помещен рассказ Инько «Секретарь цехячейки», в «Комсомольской правде» — стихотворение **Михаила Смирнова,** в журнале «За ударничество» — очерк **Соловейчика** «Высший разряд» об ударнике Куликове, в «Красной звезде» — очерк **Коваленко** о летчике Козлове, в «Молодой гвардии» — статьи Инько и Соловейчика о «Записках фабзайца» Кондакова и «Осаде» Бутковского.

Заводские организации оказывают нам широкую и постоянную помощь.

В чем наши промахи? Ответить на этот вопрос значит одновременно поставить для кружка и очередные задачи.

Литкружок еще недостаточно вошел в жизнь заводского коллектива, не всегда во-время и с успехом включается в борьбу за задачи предприятия. Заводская многотиражка в любой момент предоставляет нам свои страницы, но кружковцы не всегда бывают готовы дать в них свои материалы.

Далеко не достаточно мы мобилизовали общественное внимание рабочих к с'езду писателей.

За год работы литкружковцы получили солидный опыт. Но даже наиболее способные из нас еще не подошли к созданию обобщенного художественного образа на заводском материале.

Далеко еще не на высоте в формальном отношении стихи, очерки и рассказы даже наиболее опытных кружковцев. На этом участке нам предстоит также поработать напряженно и старательно.

Рапортуя о своей работе, подводя итоги достижениям и успехам, мы в порядке подготовки к с'езду писателей берем на себя следующие обязательства:

1) мобилизовать все силы на пропаганду и популяризацию в художественной форме решений XVII партс'езда;

2) еще более усилить подготовку встречи с'езда писателей и

3) добиться активизации читательских масс ЦАГИ и подготовить развернутый художественный счет писателям нашей страны.

Беря на себя эти обязательства, мы вызываем на соцсоревнование все кружки Москвы.

Литкружок, добившийся наилучших результатов, получает право на рапорт к с'езду писателей и право печатания лучших произведений кружковцев на специальной странице «Литературной газеты».

В качестве арбитра просим участвовать Оргкомитет ССП, «Литгазету» и культотдел ВЦСПС.

По поручению литкружка ЦАГИ старостат кружка: КОВАЛЕНКО, ИВАНОВ, МАКСИМАЧЕВ.

Создается новая литературная среда

ЧТО ПРИВЕЛО НАС В ЛИТКРУЖОК

А. КОМКОВ

ПЕРВАЯ ЧИТКА

Однажды к моему станку подошел литкружковец Иванов (Инько). Он поздоровался со мной и предложил зайти на занятие кружка.

— Вот увидишь, интересно будет. Ты почитаешь нам, мы тебе... Кстати, и я буду сегодня читать. Приходи обязательно.

До того я ни разу не посещал кружок. Работать предпочитал в сдиночку, а коллектива почему-то чуждался.

На кружке мне пришлось читать первым. Прочел и насторожился в ожидании критики. Казалось, вот-вот раздастся смех. И я уже чувствовал, как у меня «душа уходит в пятки». Но на меня смотрели серьезные глаза литкружковцев.

Выступают Смирнов, Коваленко, Соловейчик, Иванов, Ниршберг, отмечают хорошие и плохие стороны моего творчества, предупреждают о трудностях литературной работы.

С этого вечера я стал пламенным энтузиастом кружка. Я напечатал в многотиражке ЦАГИ рассказ «Первый полет», а теперь пишу повесть «Строим» о самолете им. Горького.

„НАША НЯНЯ"

Кружковцу каждому известный
Работой преданной и честной,
Его очаг — газетный лист,
Присяжный ЗОК'а очеркист, —
Наш славный
Иванов-Инько.
Ему, бедняге, не легко:
Ухаживает он за нами
Прилежней самой
лучшей няни.

МАКСИМАЧЕВ.

С. ЖЕРЕБЦОВА

ПРИ УСЛОВИИ...

Меня привлекала мысль, что я могу стать писателем. Мне думалось, что писательство — дело легкое. Год пребывания в кружке научил меня смотреть серьезнее на литературу. Я убедилась, что стать писателем можно, но при том условии, если будешь над собою много работать: читать, наблюдать, прислушиваться и писать.

Ф. СОЛОВЕЙЧИК

НИКАКОЙ ОБИДЫ

День перед занятием литкружка тянется бесконечно долго. Чувствуешь, что очередное собрание принесет что-то новое, еще больше обогатит знания и литературный опыт.

Что так приковывает к кружку? Почему так нетерпеливо ждешь его занятия? Товарищеская спайка — вот чем в первую очередь привлекает кружок.

Приходим из цехов в комнату кружка, начинаем шумно делиться друг с другом последними известиями.

— Что написал за последние дни?

— Ты прочитал «Цусиму», дай ее мне.

А каким подлинно товарищеским вниманием окружают друг друга кружковцы при чтении рукописи! Ребята критикуют и здорово критикуют. Но почему-то еще ни разу ни у кого не появилось чувство обиды. Наоборот, каждый благодарит кружок за помощь творческому росту.

МИХ. СМИРНОВ

ПЕРВЫЙ ВЫЛЕТ

Аэродром, шоссе, пригорки
краской толпы
и знамен
политы.
Сегодня летит
крылатый
«Горький»,
Сегодня день
первого вылета.
Щурится небо
под тысячами
глаз
Тысячами
радостных
лучиков.
Такой улетает
первый раз,
А дальше построим
больше
и лучше.
Наших
грядущих
побед буревестник,
с сердцем железным,
стальными нервами
Скажет миру
с трибун поднебесий:
«В победах мы были
и будем
первыми!»
И ревом моторов
оркестры
выев,
Мягко
качаясь
на лапах шасси,
Гигант-самолет
со старта
впервые
мощное тело
свое
уносил.
За ним
торопливо
стаей
мушиной,
Строем
сомкнувши
крылья,
Шли
за могучим флагманом
машины
Первой агитэскадрильи.
И гулкому небу
и синей песне
ответила
дружным раскатом земли:
«Вперед,
агитатор,
буревестник,
гигант,
На стройки
наши,
На наши
поля!»

Очередное

◆ 11 февраля литкружок проводит конференцию по детской литературе совместно с группкомом писателей «Молодой гвардии».

◆ Старшина кружка **Л. Коваленко** сдал в Авиоиздат книгу об изобретателях ЦАГИ.

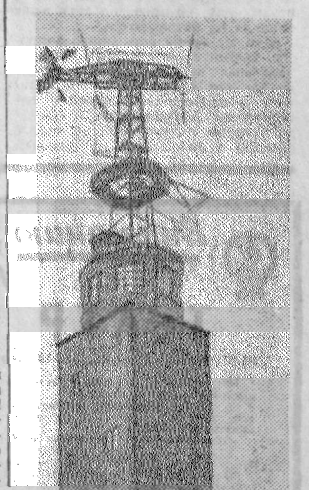
◆ Ф. Соловейчик, Инько и Комков сдали на конкурс «Комсомольской правды» ряд очерков и рассказов.

◆ Очередная тема занятия по семинару Горького — «Горький и начинающие писатели».

◆ На последнем заседании бюро принято решение о выпуске в газете ЦАГИ страницы юмора и сатиры.

◆ Литкружок создал свои филиалы в школе ФЗУ и в бараках на Синичке. Для руководства кружками прикрепляются лучшие кружковцы.

◆ Литкружок готовит читательскую конференцию по «Скутаревскому» Леонова. Выработан вопросник, который роздан участникам конференции.



АЭРОДИНАМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ЦАГИ.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Давно хочется написать ряд писем молодым писателям. О прозе, о поэзии, о сатире, лирике, о новелле, о белом стихе, о песне, о новаторстве, о быте, о многом, очень многом другом. Это нужно сделать и, по возможности, неотложно. Но сейчас первое письмо— о литкружке ЦАГИ, опыт которого весьма значителен, потому что это опыт литературной работы, тесно и непосредственно связанной с производством, т. е. дело не только в том, что литкружковцы сами работают на производстве, а в том, что свое литературное творчество они связывают с задачами своего промфинплана и производственного графика.

Совершенно незыблемо, что советская литература не может расти отдельно от социалистического строительства, и поэтому опыт литкружка ЦАГИ должен стать темой для обсуждения в других кружках и для широкого ознакомления с этим опытом.

В чем он заключается? Как будто бы, в этом нет ничего нового, — скажут многие. Разве не на каждом заводе, где есть литкружок, члены кружка пишут о своем производстве?

Верно, но кружок ЦАГИ **решительнее, выдержаннее и принципиальнее** идет по этому пути, причем — существенное добавление — литкружковцы ЦАГИ пишут **не только** о своем производстве, но и **для** своего производства, для его улучшения, для его укрепления и роста.

Несомненно, конкретное дело принципиальной значимости начал А. Безыменский, когда ездил на завод и засыпал его своими четверостишиями, которые рабочие находили на станках, на бутылках молока и т. д. Он заново, практически, конкретно показал, что художественное слово может служить непосредственным целям производства и перевоспитанию людей на производстве.

Сейчас литкружок ЦАГИ в ином виде, более организованно, систематически показывает, что это осуществимо и действенно.

Конечно, нет нужды превращать такой метод работы в догму. Смешна, а не только вредна была бы любая догма, примененная к нашему искусству. Неправильно было бы создавать теории, что нужно писать только о производстве. Зачем? В пределах социалистического реализма (а эти пределы беспредельны, ибо это единственно правильное направление нашей литературы, рожденной социалистической конкретностью нашей страны) можно и нужно писать обо всем, о чем «жаждет душа», ибо необ'ятна наша страна и неизмерим источник даваемых ею разнообразнейших тем.

Но все же опыт литературной работы, самым тесным образом связанный с производством, — опыт интересный и поучительный.

М. Горький рекомендовал писателям писать вместе с учеными. Опять-таки он это рекомендовал не в качестве догмы — можно писать и с учеными и без ученых, но, несомненно, создадутся какие-то замечательные произведения, написанные писателями совместно с учеными.

Есть уже поэты, мечтающие об особом виде научной поэзии, как и о многих других видах и поэзии и прозы. Советская литература вместит и научную поэзию и всякую иную, и коллективное творчество, и индивидуальное, и бесконечное многообразие всяких других форм и методов.

Но — опять-таки — опыт литературной работы на производстве и **для** производства, для его улучшения, для более полного, всестороннего, глубокого и тонкого выполнения промфинплана, для действительной — не на словах, ибо об этом бесконечно много говорят, а на деле — переделки людей, — опыт глубоко интересный и достойный пристального изучения.

Мне довелось присутствовать на одном из собраний литкружка ЦАГИ, где два литкружковца своеобразно отчитывались в своей работе.

В чем было своеобразие этих творческих отчетов? Отчитываются и в других кружках, т. е. читают свои произведения, которые тут же и обсуждаются.

Своеобразие заключалось в том, что отчитывающийся тут же **приводил факты, обильные факты, свидетельствующие о реальном воздействии, реальной пользе, приносимой этим произведением на заводе.**

Поэт т. Максимачев читал свои стихи, но более внимательно оглашал документы, наглядно говорящие о **воздействии** его творческой продукции. Например, в ЦАГИ издавна ломовые возчики, привозя материалы, получали «на чай». Если же не всегда получали, то, во всяком случае, всегда требовали. Одно из сатирических стихотворений рабочего-поэта ставило себе целью **раз и навсегда** покончить с этим рабьим пережитком. Стихотворение было написано и помещено в стенной газете. Оно было исполнено такой **силы, выразительности и конкретной направленности,** что возчики коллективно решили прекратить выклянчивание чаевых. И, действительно, покончили.

Великий сатирик Свифт горько жаловался, что его сатирические выпады недейственны. Никто, — жаловался он, — не исправлялся, читая его произведения. И Свифт в отчаянии делал выводы о ненужности сатиры вообще. Как он мечтал хотя бы о том, чтобы несколько человек исправилось после прочтения «Сказки о бочке» или «Гулливера». Стоит вчитаться в «Сказку о бочке» или в другие произведения Свифта, чтобы понять, как глубока была его тоска. Можно также и на творческих опытах других, таких же крупных и менее крупных сатириков проследить, как бесплодна во многих отношениях сатира в капиталистических странах, где, как замечает Свифт, сатира представляет собой мяч, который каждый может кнем легко отшвырнуть в сторону соседа.

Глубокое сознание плодотворности своей работы, которого не имели даже великие сатирики буржуазных литератур, имеет любой советский сатирик, если только он занимается не зубоскальством, а конкретной советской сатирой.

Стоило послушать молодого рабочего-сатирика Максимачева, чтобы убедиться в этом.

Другое стихотворение было посвящено разоблачению акта подхалимства, в котором «приняло участие» 14 человек. Пришлось перевоспитывать не ломовых возчиков, а видных товарищей, среди которых был один особенно видный и к тому же коммунист. Он был очень недоволен, чрезвычайно недоволен, но это не могло оказать никакого влияния на поэта. Разоблачение было прямое, острое, ядовитое, и люди прекратили заниматься подхалимством.

Тема третьего стихотворения — чисто производственная: работали не так, как нужно было, и после стихотворения начальник соответствующего отдела издал подробное **постановление,** как нужно исправить дефекты работы, — и они были исправлены.

Другой литкружковец, т. Соловейчик, читал очерк о постройке самолета-гиганта им. Максима Горького, который, как известно, строится на ЦАГИ.

Как написан этот очерк? Он не без дефектов, как далеко не безукоризненны и стихи Максимачева, но, как эти стихи, так и очерк т. Соловейчика написан так, что, прочтя его, **хочется строить самолет скорее, энергичнее, любовнее, бережнее.**

Он пронизан глубоким интересом, желанием скорее и как можно лучше завершить это большое дело — построить невиданных размеров и невиданной силы самолет-гигант, который будет вести культурную работу в новых формах.

В очерке есть и история этого замысла, и кратко показаны люди, его осуществляющие, предугадано его значение, показано, как идет постройка самолета советская общественность, — очерк многоплановый, но от первой до последней строчки живой, волнующий читателя и не «агиточный», а именно агитационный в лучшем смысле этого слова, т. е. отчетливо вызывающий действенное желание скорее строить самолет и помочь его строителям.

Стиль обсуждения прочитанных вещей — тоже конкретный, совершенно освобожденный от литературщины, от «заползания в дебри» и от налюбленного рассуждения, обычного на кружках, о том, что **«не показано»** в данном произведении.

Как известно, о том, что «не показано», можно говорить очень много, но в этом кружке, повидимому, привыкли говорить о том, **что показано, как показано, для чего показано и какое это имеет реальное воздействие.**

Но, конечно, — и это самое главное, и об этом надо неустанно предупреждать и напоминать, — опыт литкружка ЦАГИ будет тем значительнее, чем реальнее будут его пути к **художественным обобщениям.** Без обобщений — это совершенно ясно — художественное творчество лишено перспективы и роста, оно не поднимется над «стенгазетным» уровнем и не создаст тех новых форм, которые должны притти вместе с новым содержанием.

Литкружком ЦАГИ руководит Михаил Беккер. Ему удается пробуждать в рабочих-литкружковцах наряду с желанием активно строить советскую литературу желание делать это без литературщины, а исходя из конкретных задач, столь же значительных и крупных, как значительно и крупно социалистическое строительство на любом участке и в любом масштабе.

Книжная витрина

ВЫШЛИ В СВЕТ

◆ **«Речи Лисия»** (издательство «Академия»), одного из лучших ораторов древней Греции. «Речи» дают обширный материал для ознакомления с социальной, бытовой и правовой сторонами древнегреческой жизни. Книга снабжена вступительной статьей и примечаниями.

◆ Первый том известного романа **Евгения Сю** «Агасфер» («Вечный жид») под редакцией и со вступительной статьей Ю. Данилина вышел в изд. «Академия». Все издание будет состоять из 4-х томов.

◆ «Повести и рассказы» **Герцена,** мало известные даже квалифицированному читателю, с вводной статьей Л. Б. Каменева («Академия»).

◆ «Записки Пиквикского клуба» **Диккенса** выходят на-днях в «Академии». Роман иллюстрирован худ. Милашевским, рисунки которого представляют первую попытку графической характеристики Диккенса в социальном плане.

◆ Ленинградское товарищество «Время» выпустило XIV том собрания сочинений **Ромэна Роллана,** содержащий «Героические жизни»—биографии Бетховена, Микель-Анжело и Толстого.

◆ **В. Конради** «Франс Гальс». В серии «Художественное наследство», (ИЗОГИЗ), выходящей под ред. И. Лупола, вышла монография о Франсе Гальсе, этом еще не превзойденном голландском портретисте, оставившем совершенно исключительную галлерею портретов голландских бюргеров, которые, как живые человеческие документы, характеризуют целую эпоху.

◆ **«Письма Рубенса»** выпущены издательством «Академия». Письма дают большой материал для характеристики той социальной, политической и бытовой обстановки, в которой Рубенсу приходилось жить и работать. Письмам предшествуют две статьи: **А. Эфроса** — «О письмах Рубенса» и **В. Лазарева**—«Жизнь и творчество Рубенса».

ДРАМАТУРГИ В ПОЛИТОТДЕЛЕ МТС

В Москву вернулась из поездки на Урал бригада драматургов в составе **Вс. Вишневского, А. Файко, Н. Зархи, Б. Алперса и Ю. Гайдовского.** 13 дней пробыла бригада в политотделе МТС Буткинского района, над которой приняла культшефство.

Бригаду драматургов принял первый секретарь Уралобкома т. **Кабаков.**

Драматурги приняли участие в партконференциях Талецкого района и областной партконференции Урала. На обеих партконференциях выступал **Вс. Вишневский,** который рассказал о состоянии культобслуживания районов.

Бригада драматургов решила выехать вторично на Урал летом, чтобы включиться в оперативную работу политотделов МТС и колхозов Буткинского района. Сейчас бригада изучает литературу о политотделах МТС — даст коллективные отзывы в «Литературный критик» о книгах **Ив. Катаева, Третьякова, Безыменского, Шагинян, Клычкова, Яковлева, Попова, Россовского** и др.

ВЕЧЕР К. ФИННА

На пригласительном билете на творческий вечер **Константина Финна** напечатано: «Писатели включаются в производственно-творческий поход им. XVII с'езда партии».

Не случайно ЦБ и Мосгорком писателей открыли серию творческих отчетов-рапортов с'езду К. Финном.

Писатель вырос, написал наиболее свои значительные вещи в период между XVI и XVII с'ездами партии, в период великих перемен в нашей стране.

И этим переменам, влиянию их на людей, посвящено большинство произведений молодого писателя.

Финн, по выражению докладчика на вечере 26-го в Доме печати **Бор. Гроссмана,** борется художественным словом за социалистическую реконструкцию чувств.

Автор прочел на вечере первую картину новой пьесы «Свидание» и рассказ «Свет во тьме».

В заключение московский Литературный театр показал постановку «Окраины». Спектакль был горячо принят.

КАЖДЫЙ ЖИВЕТ САМ ПО СЕБЕ

ЗА ТВОРЧЕСКИЙ КОНТАКТ ДРАМАТУРГА И АКТЕРА

«Мы ценим его за то, что он постепенно становится центром общественно-художественной жизни актерства, за то, что мы, актеры, люди, занятые с утра до ночи в стенах театра, получаем здесь возможность встречаться с людьми, непосредственно строящими новую жизнь, за то, что мы теперь можем обмениваться друг с другом своим творческим опытом, за встречу художников разных направлений, за непринужденность и простоту клубной жизни, за интерес, возбуждаемый вечерами клуба, за веселость товарищеских встреч и за многое другое, что он внес в актерскую жизнь».

Такая оценка работы театклуба со стороны ведущих групп работников искусств была учтена МОСПС, МГСПС и Моссоветом, предоставившим театклубу новое обширное помещение клуба Госбанка (Ильинка, 12).

В результате упорной работы двух клубов (театработников и художников), основанной на тесном контакте и взаимной помощи, в Москве возникает центральный клуб работников искусств, действующий в двух помещениях. Основными формами работы нового клуба явятся политические циклы, творческие вечера крупнейших мастеров искусства, встреча с писателями, драматургами и учеными, теснейшая связь с самодеятельным искусством, с ударниками заводов, красноармейцами и колхозниками.

Оформляет новый клуб группа художников: Вильямс, Елисеев, Кукрыниксы, Мусатов, Родионов, Ротов, Федоровский, Шестаков, Черемных.

Совершенно необходимо установить организованную связь между всеми клубами советской художественной интеллигенции.

По инициативе М. Горького Оргкомитет писателей проводит большую работу по установлению связей литературной общественности с крупнейшими советскими учеными. Но чрезвычайно слабо поставлена работа по взаимосвязи и взаимовлиянию наиболее близко соприкасающихся между собой областей нашего культурного строительства —литературы и театра.

Борьба за качество работы Дома печати, театклуба, клуба писателей по существу является борьбой за укрепление творческой связи в среде советской художественной интеллигенции, борьбой за воспитание новых кадров.

Совершенно ясно поэтому, что клубы, обслуживающие советскую художественную интеллигенцию, должны быть в самое ближайшее время поставлены под общественный контроль в форме организованного смотра их работы.

Директор московского клуба театральных работников.

Б. ФИЛИППОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Замечание т. Филиппова о необходимости тесного творческого контакта работников различных отраслей искусств заслуживает всяческого внимания. Особенно это относится к драматургам, актерам и режиссерам, которые, по сути дела, никогда не встречаются.

В то же время есть много вопросов, которые настоятельно требуют подобных встреч. Жалобы актера на то, что драматург плохо понимает и плохо знает актера и его творческие возможности, и обратно: жалобы драматургов по адресу актеров и режиссеров по большей части не достигают цели. Актеры говорят об этом среди актеров, драматурги среди драматургов. К сожалению, ни автономная секция драматургов, ни тот же клуб театработников, не предпринимали достаточно энергичных шагов для организации творческого контакта.

В связи с открытием нового большого клуба театработников секции драматургов необходимо тесно связаться с клубом театработников для установления плана систематических творческих встреч работников литературы и театра.

ПОБЕДА советской музыки

Почти одновременно в Ленинграде и в Москве прошла премьера новой оперы Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Опера поставлена будет еще и в филиале Большого театра в Москве.

Об этой новой опере много писалось и говорилось еще до «поднятия занавеса». Пожалуй, никогда еще общественное мнение не было столь тщательно подготовляемо к оперной премьере газетными заметками, беседами с композитором, сообщениями о ходе репетиций, как в данном случае. Этот небывалый в оперном деле интерес широких кругов к новому музыкально-драматическому произведению определяется, с одной стороны, тем, что Шостакович всем своим творческим обликом, своим необычайно быстрым ростом привлекает к себе всеобщее внимание. С другой, — тем, что проблема реалистической оперы, о которой много говорится на страницах печати, все еще не нашла в советской музыкальной драматургии своего разрешения. О данном произведении Шостаковича говорилось как о первой действительно реалистической опере.

Если судить о Шостаковиче на основе его первой оперы «Нос», яркого сатирического произведения, то элементы сарказма, издевки, анализа в плане социальной сатиры следует признать основными чертами Шостаковича как музыкального драматурга. Гоголевские приемы письма освоены в области музыки Шостаковичем полностью.

«Леди Макбет Мценского уезда» задумана как трагическая сатира на «кондовое» купечество крепостной России, темное, деспотичное, бесчеловечно-жестокое. Шостакович неоднократно подчеркивал, что в своей опере он хотел показать гибель выдающейся русской женщины в мрачном жестоком семейном окружении купеческой крепостной Руси. Вся ненависть автора, вся сила его социальной сатиры сосредоточена на свекоре Екатерины, Борисе Тимофеевиче, на муже ее Зиновии Борисовиче и приказчике Сергее, которого Шостакович лишает той романтической привлекательности, каким он окружен в рассказе Лескова, и изображает как мелкого авантюриста, хищника, лохабника. Все эти фигуры у Шостаковича сделаны значительно выпуклее и ярче. Вся сила и вся бесконечная изобретательность таланта Шостаковича обращены на то, чтобы в драматургической транскрипции лесковского рассказа показать социальный облик эпохи.

Шостакович как композитор исходит из новейших достижений мирового музыкального искусства в целом, а рисуя быт русского купечества, он использует стилистические приемы русской бытовой оперы XIX столетия. Вернее, он далек от конкретного музыкального материала эпохи. Все музыкальные приемы Шостаковича основаны на осваивании всей западной музыкально-драматургической техники от Верди и Вагнера до Шреккера, Кшенека и Стравинского. Подвижность музыкального воображения Шостаковича, острота мелодического и гармонического мышления, из ряда выходящий блеск инструментовки иногда ведут к некоторому, на первый взгляд парадоксальному, несоответствию драматической ситуации и музыкального выражения. Если в сцене любовной встречи Катерины и Сергея мы ясно слышим отголоски штраусовской лирики, если в обрисовке Тимофея Борисовича местами применяется ритм мазурки, вальса, наряду с изумительными по сочности оборотами оркестровой интонации в характере вагнеровского кольца, если в тех или иных мелодических оборотах, например, в пятой картине (спальня Екатерины Львовны) мы слышим отголоски Чайковского, то все это ничуть не мешает впечатлению **полной независимости и свободы выражения оперы в целом.** Здесь уж действительно можно говорить о критическом преодолении наследия прошлого. Мастерство и самостоятельность мышления музыкальной драматургии, показанные Шостаковичем в этой опере, велики и совершенно неоспоримы.

Это ощущение огромной силы таланта, новизны драматургических приемов, их убедительности и внутренней силы, большая радость от сознания исключительного роста советского мастера — основной фон тех переживаний, которые дала премьера «Катерины Измайловой». Это ощущение заслоняет собой неудовлетворенность от сознания, что рост крупнейшего композитора Союза показан на неполноценном сюжете. В конце концов, сколько бы ни уверял Шостакович, что он хотел показать гибель талантливой и сильной женщины, самое существо повести Лескова, история преступления Катерины, вплоть до ее гибели на каторге, все это дано в разрезе личной любовной драмы. Сама Катерина, та же кость от кости, плоть от плоти купеческого быта, идет на преступление только ради того, чтобы зажить с Сергеем. Шостакович, быть может бессознательно, подчеркивает **социальную слепоту** Катерины, рисуя Сергея как ничтожество, высшее блаженство которого — лежать под пышным атласным одеялом купеческой спальни (пятая картина).

В истории развития таланта Шостаковича «Катерина Измайлова» — огромный шаг вперед. Сатирические и гротесковые моменты в опере, например сцена в участке, даны в этой новой опере значительно более сочно и гибко, чем в первой опере «Нос». Социальная характеристика отдельных лиц, умение психологически мотивировать музыку различными приемами (модуляцией, инструментовкой, пользованием отдельными характерными мотивами, хотя настоящей лейт-мотивной техники Шостакович в этой опере не развертывает) поразительны. О мастерстве инструментовки мы уже говорили. Оно общепризнано. Но никогда еще Шостакович не достигал такой четкости, образности, конкретной описательности средствами оркестрового письма, как в «Катерине Измайловой». Можно было бы привести сотни примеров буквально из каждой страницы партитуры. Замечательно и то, что при наличии огромного оркестра последний приведен в полное соответствие с вокальными партиями и нигде не заслоняет ни сольного голоса, ни хора. Вокальная линия, которая в прежних произведениях Шостаковича не выступает на первый план, здесь служит полноценным выразительным средством. Интонационная простота, умение оттенить каждое действующее лицо в этой опере у Шостаковича доведены действительно до максимума.

Итак, перед нами крупнейшее произведение советской музыкальной драматургии за 16 лет. Это произведение еще будет много обсуждаться, и уже на премьере вспыхивал ожесточенный спор вокруг сюжета и приемов музыкального оформления композитора. Тут есть о чем поспорить, так как это действительно первый полноценный опыт реалистической советской оперы, написанный замечательным мастером музыкальной театральности. Шостакович много работал с лучшими советскими режиссерами, особенно Мейерхольдом, и это обстоятельство сказалось в остром использовании наиболее выразительных средств советской театральной сцены. Есть в «Катерине Измайловой», так же как и в «Носе», отдельные моменты сценической трактовки, где совершенно ясно чувствуется воздействие мейерхольдовских приемов.

«Катерина Измайлова» идет в постановке народного артиста В. И. Немировича-Данченко. Эта постановка — отраднейший показатель большого роста театра. В условиях очень плохой сцены было развернуто театральное зрелище, вполне отвечающее, как нам кажется, замыслу композитора. Тут на помощь пришла удачная сценическая концепция художника В. В. Дмитриева, основывавшаяся на использовании двух элементов: косой плоскости «второго этажа» сцены в показе массовых моментов, простого оформления комнат в доме Измайловых. Немирович-Данченко основательно поработал над этой постановкой и достиг слитности драматического жеста и музыкального содержания оперы. Вокально опера разучена блестяще. С полнейшей точностью как в ансамблях, так и в сольных партиях. Велика заслуга и дирижера спектакля **Григория Столярова,** показавшего во всей полноте художественного выражения как основные вокально-драматические сцены, так и замечательные антракты, где Шостакович развертывает богатейшее полифоническое оркестровое мастерство (эти антракты дополняют и дают симфоническое обобщение основных драматических мотивов оперы).

Нам довелось видеть в труднейшей роли Катерины Львовны Измайловой М. И. Лещинскую. Артистка дает правильную характеристику молодой купчихи, гонимой деспотизмом и тоской по неудавшейся жизни к преступлению и гибели. Лещинская — артистка с уклоном к сильно драматическому пафосу, и лучше всего ей дается вторая половина спектакля, особенно последняя сцена ревности и убийство Сонет. Очень удачен Борис Тимофеевич, вырастающий в исполнении Кандалаки в обобщенный тип купеческого «Домостроя» во всей его злой, хищнической обнаженности. Сатирический разоблачительный рисунок Сергея правильно воспроизводится Кутыриным, так же, как все злобное ничтожество Зиновия Борисовича Ценинным. Отметим эпизодические фигуры, раньше всего Сонетку (Големба — артистка с образцовой дикцией). Аксинья (Виноградская), ничуть не шаржированный священник Князев. Вся превосходная выправка спектакля доказывает еще лишний раз, что лучший стимул роста театра — это работа над яркой талантливой пьесой. Именно на этом произведении театр Немировича-Данченко вырос в оперный театр крупнейшего масштаба.

Евгений БРАУДО.

В. И. Немирович-Данченко.

Д. Д. Шостакович.

ИТОГИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

23 января в Доме ученых ГИХЛ отчитался перед широкой писательской общественностью в своей работе за 1933 г.

Краткие речи изобиловали интересными фактическими данными, цифровыми подсчетами, плановыми наметками. Но не столько они дали наглядное представление о пройденном ГИХЛ пути, о переломе, который явственно обозначился в его практике. Убедительнее всего прозвучал в этом смысле другой язык—язык **выставки,** на которой была представлена книжная продукция ГИХЛ за 1933 г.

Что особенно бросается в глаза уже с самого начала—это повысившееся в последнее время **внимание ГИХЛ к запросам массового читателя.** Рассчитанная на него продукция занимает **четыре раздела выставки:** тут и «Роман-газета», вышедшая уже в количестве около миллиона экземпляров, и приобревшая уже широкую популярность ДБО («Дешевая библиотека ОГИЗ»), и «Библиотека начинающего читателя», возобновленная выходом после трехлетнего перерыва, и, наконец, школьная серия. Приятно удивляет изящный томик стихов и поэм Пушкина стоимостью в 1 р. 75 к., томик Лермонтова—1 р., об'емистая книга чеховских рассказов, романы Драйзера («Американская трагедия»), Алексея Толстого «Петр I», Фадеева «Последний из удэге», Шолохова «Поднятая целина», В. Соболева «Капитальный ремонт»—по вполне доступным ценам.

Рядом — в «Библиотеке начинающего читателя»: «После бала» Л. Толстого, «Сон Макара» В. Короленко, рассказы Чехова, Тургенева, Неверова и ряд других произведений мировой и советской литературы, стоимостью от **6 до 20—25 коп.** А в школьной серии—«Отцы и дети» Тургенева, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Обломов» Гончарова, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Джимми Хиггинс» Эптона Синклера—также по ценам, не обременяющим бюджета пролетарских родителей.

Все более широкую «жилплощадь» начинают отвоевывать в системе ГИХЛ **классики.** Вот в тесном соседстве расположились об'емистые однотомники Пушкина, Салтыкова-Щедрина и Некрасова; под ними синеют только что увидевшие свет III и IV томы Гете (драмы в прозе и стихах); жмутся друг к другу три первых изящных томика полного собрания сочинений Бальзака и два тома Флобера; отдельную полку занимают 24 тома М. Горького (второе юбилейное издание) и т. д.

Значительно слабее представлены на выставке литературоведение, поэзия, драматургия и, в особенности, творчество народов СССР. Книга Талыбы, Наджми, сборники современной татарской и башкирской литературы, романы украинских писателей (Смолича «По ту сторону сердца» и Головко «Мать»), стихи П. Маркиша—это вряд ли дает даже приблизительное представление о мощном расцвете национальных литератур в Союзе. Тут мы должны пред'явить ГИХЛ серьезный счет.

Я. Э.

„ЖИЗНЬ ЗОВЕТ"

Пьеса В. Билль-Белоцерковского в театре МОСПС

Федор ГЛАДКОВ

Пьеса Билль-Белоцерковского «Жизнь зовет» — несомненный успех театра МОСПС. После «Врагов» Горького, сработанных в общем удачно, и «Вздора» Финна эта пьеса—дальнейший шаг вперед. Наметилась новая линия в работе театра: показ интимного человека, психологических его коллизий. Это особенно заметно по последним пьесам и в особенности по пьесе Билль-Белоцерковского. Целый ряд пьес, которыми до сих пор орудовал театр, не давал ему четкой физиономии и высокого взлета. Очевидно, ему трудно было развернуться, расправить крылья, вздохнуть полной грудью. Во всяком случае, театр до сих пор работал как-то в среднем регистре, и о нем говорили неохотно. Для меня было совершенной неожиданностью выступление с этой своей пьесой и автора. До сих пор он давал драмы внешнего действия, и они не блистали особыми литературными достоинствами. «Жизнь зовет» — драма сплошного психологического потока. Она сильно напоминает пьесы Ибсена и Гамсуна. Тот же замкнутый круг личных переживаний и стремление героев вырваться за пределы суб'ективных тупиков. Люди горят мечтой о подвигах, о боевом прошлом, о широкой дороге, а перед ними — преграды — или внутреннего порядка или глухая стена бюрократизма, консерватизма и непонимания.

Пьеса строго выдержана в двух единствах — места и действия. Все события происходят в одной и той же комнате; можно даже не опускать занавеса. Типический «intérieur». Вся обстановка подчеркивает интимность, **комнатность драмы,** хотя главные действующие лица—общественники, партийцы, действенные люди. И персонаж небольшой всего шесть человек, причем двое из них — эпизодические, случайные фигуры. По сути действуют только четверо. Женская роль — одна. Но надо отметить, что все они — очень разнохарактерны, ярки и подлинно живут на сцене.

В пьесе, собственно, две главных ведущих фигуры: это старый большевик, ученый Чадов и «второе поколение» — бывший партизан, вояка времен гражданской войны Федор Никитин. У каждого из них своя судьба, свой мир, свои несовпадающие жизненные пути. Их об'единяет только женщина — Галя, дочь Чадова, жена Федора. И драма одного развивается независимо от другого. Федор живет в одной половине комнаты. Чадов — в другой. Трагедия Федора Никитина, в том, что он, по технической своей неграмотности допустил ряд серьезных ошибок по производству. Его снимают с запрещением в течение трех лет занимать ответственные должности. Теперь он — в «небытии»: сидит ничтожной пешкой где-то на пропусках. Он унижен и оскорблен, он обезглавлен. Он страдает от этого своего унижения безмерно. Ему кажется, что он отстал от жизни и продолжает отставать катастрофически: если он пытается сделать шаг вперед, жизнь улетает от него на версту. Ему советуют отдохнуть годик, поучиться, а он в ужасе кричит, что жизнь опередит его на десять лет.

Старому большевику Чадову, энтузиасту, одержимому идеей овладеть теплым течением Куро-Сиво, живущему только мечтой об отделении сибирских тундр, неведомы муки зятя. Ему нет до него никакого дела. Федя одинок. У Чадова своя трагедия — ожидание близкой смерти, которая грозит оборвать его научные работы. Гале приходится играть роль воспитательницы, служанки и сестры милосердия этих двух беспомощных людей. Она — семьянинка, все ее интересы — в заботах об этих двух дорогих людях, хотя она как будто и воспитывалась когда-то своим отцом в революционном духе.

Приезд старого товарища и друга Павла на время встряхивает Федю. Павел прошел курс Промакадемии, теперь занимает большой пост, ворочает большими делами, он умен, опытен, силен, уверен в себе, знает себе цену и идет твердо по проложенной дороге. Он умел создать себе «систему», ибо все дело — только в системе, иначе — пропал. Сначала он руководит Федей в его самообразовании, становится настоящим членом семьи. Но эта радость общения старых друзей несет, конечно, неизбежную беду. Галя и Павел чувствуют, что они любят друг друга. Федя догадывается о чувствах двух близких людей, и это валит его с ног. Ревность и зависть не дают ему покоя. От неуменья работать над книгой, от бессилья, от некультурности он «зашился»: мозг перестает продуктивно работать. Ревность и зависть парализуют его. Он весь уходит в раз'едающую рефлексию. С отчаяния он бросается в пьянство. Дело кончается скандалом, дракой с Павлом. В конце концов он приходит к мысли о самоубийстве (он не приспособлен к жизни), но друг и тут спасает его. Федор тайно убегает куда-то на стройку — «догонять жизнь».

А ученый-большевик Чадов, несмотря на сопротивление патентованных профессоров, несмотря на паралич добивается доклада в техническом совете о своем проекте и выходит победителем в борьбе. Жизнь зовет обоих — и Федю, и Чадова, — весна в полном разгаре. Пьеса кончается оптимистическим аккордом: открывается окно, ветер колышет кисейную занавеску, деревья — в цветах и солнце. И Чадов радостно восклицает: «А жизнь зовет... зовет жизнь...»

Да, жизнь хороша, жизнь чудесна и полна захватывающей борьбы и красоты. Нужно биться непрерывно за каждый миг настоящего во имя великого будущего. Мы — творцы жизни, созидатели необычайных ценностей, мы каждым своим действием и каждой своей мыслью воплощаем в настоящем завтрашний день. Жизнь зовет каждого из нас и требует напряжения всех сил. Она насыщает нас бодростью, стремительностью, горячей кровью и пробуждает творческие дары.

Так я понял идею этой пьесы. Но эта идея включена в такие **художественные узы, что требует расшифровки.** Я думаю, что трудности в расшифровке этой идеи заключаются в основном пороке пьесы, а именно в ее **изобильном психологизме, в чрезмерном самоковырянии героев, в отсутствии живого, непосредственного действия.** Жизнь нашей страны идет где-то за закрытым окном, а здесь, в комнате,—тишина, угар надрывных переживаний, какой-то нервный листопад. Конечно, все мы, непосредственные участники творчества нашей жизни, тоже не лишены способности интимно переживать все перипетии личной и общественной борьбы. У каждого из нас есть и квартира, и комната, где мы остаемся сами с собой и близкими людьми. Но типичные ли это обстоятельства для наших переживаний, для решения больших проблем современности? Личная обособленность, уход в интимное, замкнутость в собственной дыре, гамлетизм — все это продукт одиночества, оторванности от живой жизни, от коллектива. Провал в себя, в мелочи индивидуальной ограниченности, тоска по порванным связям, трагедия личной беспризорности, неврастенические бесплодные порывы — все это неот'емлемо от **деклассированного** человека, нетипичного для нашей эпохи. Такой человек не только отстает от наших дней, но обречен на умирание, на неизбежное исчезновение. То же самое, по существу, происходит и со старым большевиком Чадовым. Как он ни старается выразить себя юношей, комсомольцем, седовласым романтиком, все же он постоянно находится **под гнетущим давлением страха смерти.** Он бежит от него, старается заглушить его бодрыми криками мечтой о чудесах науки и реальных дел, о гигантских размахах творческих сил партии и рабочего класса, но смерть всегда напоминает о себе и сердечными припадками, и нервными ударами, и предчувствиями.

Он не верит в конец человека, для которого смерть не кажется неотразимой тенью, леденящей душу, а поступком, поведеньем, естественным и достойным завершением жизни. Он не знает, что в истории нашей борьбы и в нашей трудовой героической повседневности такие смерти простых людей, жизнь которых — творческая борьба, — явление нередкое.

Фигуры Павла и Гали отделаны с меньшей заботливостью. Павел—прямолинеен, умен, дисциплинирован. Он прошел огромную школу партийной и советской работы. Но фигура его все-таки схематична. Не поймешь — сухой, бесстрастный он человек или наоборот. Недаром Галю все время он влечет и отталкивает. Он все время **доказывает** себя. А Галя, воспитанная большевиком-отцом как революционерка, никак и ни в чем не проявляет себя с этой стороны. Наоборот. Она —беспартийная домоседка, скорее—наседка, которая только и думает о своих двух цыплятах, о муже и отце. Личные дела для нее — все, общественное дело — ничто. Она меньше всего говорит об этом.

Но, несмотря на это, пьеса интересна, сыграна превосходно. В пьесе поставлен ряд проблем — личность, семья, смерть, судьба обособленной жизни и пр., — и эти проблемы требуют разрешения: они стоят в порядке дня. А художник в праве ставить и решать их силами искусства, и так именно, как ему кажется более правдивым и убедительным. Я только считаю, что образы созданы автором не в плане социалистического реализма. Влияние Ибсена и Гамсуна на его творчество в период написания этой пьесы несомненно, и это отразилось и на структуре пьесы, и на расстановке фигур, и на самом психологическом и, конечно, идеологическом строе драмы.

Игра артистов не у всех выдержана хорошо. Изумительное мастерство в показе образа Чадова у Е. О. Любимова-Ланского. Выход его на сцену после длительного перерыва, по-моему, должен быть оценен, как событие большой важности. В роли Чадова Любимов-Ланской показал себя во всем богатстве, блеске, экспрессии своего огромного таланта.

Выразительность дикции, жеста, мимики, удивительная правдивость и искренность в передаче самых гончайших душевных движений, бурная темпераментность создают полную иллюзию подлинной жизни. Нельзя не отметить, что грандиозной силой своего таланта он подавил других артистов. Очень хорош в роли Федора артист Ковров — талант яркий, тонкий, вдумчивый, с большим тактом. Немного холоден Леонтьев. Чувствовалась какая-то досадная связанность, недосказанность в игре. Я думаю, что он не смог побороть трудности своей роли: сама фигура Павла, как я уже сказал, мало ясна, недостаточно скульптурна и недосказана. Но в роли Гали артистка Егорова, к сожалению, слаба. Роль ее богата и характерна. Можно было сделать этот образ очень трогательно и проникновенно, но у артистки недостало сил выразить его в достаточной степени ярко. Ей еще очень много придется поработать над своей ролью.

Спектакль имел большой успех, и успех заслуженный.

Вниманию ТЕАТРОВ, КЛУБОВ, ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ, ДРАМАТУРГОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

К XVII с'езду ВКП(б) журнал

ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ

ВЫПУСКАЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР-АЛЬБОМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСКОМУ СМОТРУ ТЕАТРА И ДРАМАТУРГИИ СССР.

В альбоме 15 печатных листов большого формата — свыше 400 фото с постановок театров всех народов СССР, многокрасочные вкладки.

В номере помещены портреты 100 драматургов СССР. Журнал печатается в 2 краски. Цена номера — 6 рублей. Требуйте в киосках Союзпечати и книжных магазинах. Заказы на правляйте: Москва, 6, Страстной б., 11. Жургазоб'единение.

Одновременно принимается подписка на 1934 год, включая номер-альбом.

«ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ» — ежемесячный общественно-политический и художественный журнал драматургии и театра, выходит под редакцией **А. Н. Афиногенова.**

В каждом номере журнала статьи и критические обзоры советского и мирового театра монографии о драматургах и актерах, обзор печати, театр СССР, библиография, пьеса советского или иностранного драматурга, снабженная литературными и режиссерскими комментариями.

«ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ» рассчитан на квалифицированного работника сцены, драматургии и литературы. В каждом номере 10 печатных листов, со многими многокрасочными и одно цветными иллюстрациями (тифдрук, фототипия).

Подписная цена: 12 мес.—72 руб., 6 мес.—36 руб., 3 мес.—18 руб.

Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Жургазоб'единение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ.

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ

ЗА **1933** ГОД ЖУРНАЛА

АРХИТЕКТУРА СССР

с № 1 по № 6

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЗА 25 РУБЛЕЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ ИЛИ ПРИСЛАВ СТОИМОСТЬ ПЕРЕВОДОМ

Заказы и деньги направлять по адресу: МОСКВА, 6, Страстной бульвар, 11 Жургазоб'единение. Массово-тиражный сектор.

Там же принимается подписка на 1934 год

Подписная цена: 12 мес.—72 руб., 6 мес.—36 руб., 3 мес.—18 руб.

Подписка принимается также почтой и отделениями Союзпечати

Жургазоб'единение

ГИХЛ КОГИЗ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И НА-ДНЯ БУДЕТ РАССЫЛАТЬСЯ ПОДПИСЧИКАМ

РОМАН ГАЗЕТА

А. АВДЕЕНКО **№ 1**

„Я ЛЮБЛЮ"

(РОМАН)

Требуйте во всех киосках.

Цена — 50 коп.

Подписка принимается на 1934 г. Цена: 1 год—6 р., 6 мес.—3 р. — 3 мес.—1 р. 50 к.

Подписка принимается всеми книжными магазинами и отделениями КОГИЗ, а также повсеместно на почте.

Ответственный редактор **А. А. БОЛОТНИКОВ.**

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульв., 25. Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18.

Уполн. Главлита В—76766.

Типография газеты «За индустриализацию». Москва, Цветной бульвар, 30.